

Эрик Шредер

АНТОЛОГИЯ
ДУХОВНЫХ СОКРОВИЩ
ИСЛАМСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Эрик Шредер

**Народ Мухаммеда. Антология
духовных сокровищ
исламской цивилизации**

«Центрполиграф»

Шредер Э.

Народ Мухаммеда. Антология духовных сокровищ исламской цивилизации / Э. Шредер — «Центрполиграф»,

«Народ Мухаммеда» – семилетний труд известного археолога и историка исламской культуры Эрика Шредера, основанный на многочисленных исторических источниках. Автор строит повествование, используя наиболее яркие фрагменты известных рукописей, выстраивая их в хронологической последовательности. Это сокровище древних откровений и религиозной мудрости дает обзор основополагающего периода мусульманской культуры. Книга прослеживает историю ислама с момента его рождения до расцвета. Историк часто обращается к фольклору, цитатам из Корана, приводит множество песен и стихотворений. Шредер предоставляет богатый материал, давая читателю возможность самостоятельно выступить в роли исследователя. Книга будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Содержание

От автора	5
Введение	6
Примечания	9
Пустыня	10
Гибель воина Рабиа по прозвищу Длинноволосый	15
Горе сестры	17
Сватовство господина Хариса	18
Дурайд, сын Аддера	21
Посланник бога и его книга	25
Ночь судьбы	27
Молитва	42
Высота	53
Битва за жизнь	54
Аиша	55
Изучение Корана	58
Нужда	59
Битва при Бадре	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Эрик Шредер

Народ Мухаммеда. Антология духовных сокровищ исламской цивилизации

От автора

Завершив эту занявшую семь лет моей жизни работу и сочтя собственные долги, я хотел бы с благодарностью назвать своих предшественников, ученых-просветителей, на которых я, недостойный, почти полностью полагаюсь в осмыслении арабских первоисточников: Барбье де Менар, Николсон, Лейн, Цотенберг, Лэйел, Захау, Клейн, Гэст, Марголиус, Эрбери, Палмер, Мейерхоф, д'Эрбло, Пэйн, Кэмпбел, де Слей, Мец, Браун, Джаррет, Пиктэл, Массиньон, Шенери, Штейнгес; остальным я обязан лишь немногим меньше. В одних случаях я, несмотря на некомпетентность, перечитывал арабские тексты, в большинстве других случаев, не видя такой необходимости, ограничился лишь тщательной переработкой существующих переводов. При всем своем уважении к английским версиям я считаю, что слишком буквальное воспроизведение арабской фразеологии в столь объемной английской книге было бы несколько обременительным для читателя. Кроме того, эффект, на который я рассчитывал, мог быть разрушен пестротой стиля. Много устоявшихся удачных речевых оборотов, изменение которых неблагоприятно сказалось бы на тексте в целом, сохранено, как обычно принято при переводах, дабы отдать должное Корану.

Великий современный исламист Густав фон Грюнбаум все эти годы вдохновлял, направлял и критиковал меня; и его похвала, сама по себе, для меня награда. В первую очередь я представил рукопись истинному гуманисту Ленгдону Уорнеру, моему учителю Уильяму Томпсону из Гарварда, моему преданному другу мусульманину Халилу Ахмаду Насиру, а также выдающемуся литератору и другу И.Э. Ричардсу, советам которых следовал.

Книга много выиграла вследствие редакторской работы Тэи Вилрайт.

Я благодарен Фонду изучения сознания и Артуру Мидлтону Янгу за большой вклад в финансирование публикации, а также моей дорогой жене за долготерпение и понимание.

Введение

Один иракский кадий¹, живший в Ираке на много столетий раньше меня, как и я, составив сборник историй, предпослал им введение, пример, которому необходимо следовать и мне.

Те времена, по его словам, были богаты необычными событиями: великими войнами, непредвиденными переворотами, таинственными совпадениями, множеством хитроумных интриг, хорошо организованными и долго действующими сообществами. Об этом я кратко упомяну, только лишь для того, чтобы осведомить разумных читателей о последствиях благодеяний и их противоположностей, о конечных результатах действий.

Попытки классифицировать обычно вызывают скуку, и данная работа имеет в этом отношении невысокую цену. Она задумана не для того, чтобы, предварительно проанализировав, разложить события по полочкам. Возможно, она не имеет аналогий и являет собой нечто оригинальное. В силу своей неоднородности работа эта будет не только более интересной, но и более впечатляющей.

Я надеюсь, что моя книга найдет своего читателя и мой труд не будет напрасным ни в глазах людей, ни перед лицом Господа, Которого я прошу уберечь меня от лжи и ошибок. «Мне достаточно Его Одного. Нет могущества и силы, кроме как у Него», – сказал почтенный кадий.

История похожа на сон. В действительности мы значительней, чем это кажется на первый взгляд. Дух истории, подобно всякому другому творческому духу, воздействует на наши внешние оболочки, формируя образы, доселе отсутствующие в них. Мы движемся от процентов к капиталу, от милостыни – к сокровищнице времен. «Спящий, чей взор отдыхает, – говорил Гераклит, – получает свет от мертвого, а бодрствующий – от спящего».

Конгениальность, по словам Кроче, возникает в том случае, когда историческое событие резонирует в душе историка, или, если воспользоваться профессиональным жаргоном, документ должен быть подлинным, доступным и понятным. Резонанс, в результате которого герои древности оживают в сознании и дела давно прошедших дней приобретают остроту и актуальность современности, может быть достигнут (если вообще может) посредством вживания в документы – сохранившиеся частицы прошлого. Возникновению подобного состояния редко способствуют суждения и мнения, и оно никогда не достигается при конспектировании. Историк, знакомый с первоисточниками, но выносящий на суд публики пересказ и свои представления о вещах, находит предмет более интересным, чем это доступно читателю.

Чтобы документ был доступен и понятен и чтобы читатель мог насладиться неразбавленным напитком из древнего сосуда, я попытался представить исламскую цивилизацию исключительно ее собственными свидетельствами и сделать читателя историком, который может сам составить свое мнение о том, что ему показано. Мой читатель представляется мне человеком, который желает впечатлений, но он не откажется поразмыслить над тем, что следует запомнить; его завораживает подлинность факта больше, чем заверения критиков; несомненно, он интересуется духовным, но при этом не равнодушен к мирскому. Поверхностные исследования показывают, будто мой друг читатель недостаточно знаком с исламом, чтобы быть удачной мишенью для истины, если бы ее можно было в него метнуть.

Решительный отказ от собственных комментариев должен обеспечить правдивость. Чтобы достичь живости изложения, я с волнением просматривал объемные документы до тех пор, пока какой-нибудь отрывок не брал за сердце, и именно это определяло мой выбор. Способность захватить, а не фактологическая точность являлась пробным камнем подлинности, в то время как детальное описание быта стало главным приоритетом. Отобранные фрагменты,

¹ К а д и й – духовный судья у мусульман. (Здесь и далее примеч. ред., кроме особо оговоренных случаев.)

большие и малые, переработанные, расщепленные и перемешанные в приблизительной хронологической последовательности, составили историю с отступлениями, историю, где обитают души ушедших мусульман (если они вообще обитают) – или, во всяком случае, носят свои собственные одежды, высказывают свои собственные мысли, описываются не мной, но теми, кто знал их, обсуждаются людьми более близкими к ним, чем я. За исключением описаний ландшафта, цитируемых (при адаптации некоторых арабских терминов) по знаменитой «Аравийской пустыне» Даути, заключающих первую главу, в этой книге нет ничего, что не прошло бы сквозь призму мусульманского сознания.

Считается, что способность обобщать прямо пропорциональна знанию деталей. Если это так, то по одной верной подробности мы лучше узнаем человека, чем по большому количеству общих слов, пусть и справедливых. Яркий поступок или высказывание может включать в себя все событие или целостный характер человека, так что в определенный ключевой момент у нас появляется уверенность, будто мы заранее знали, почему события повернулись так, а не иначе. При удачном переплетении таких частных случаев бывает легче описать историческую ситуацию с помощью какого-нибудь анекдота, в котором жизнь невозможно ни разложить на обобщения, ни свести к простому результату. «Ибо смерть для души – стать Водой, и смерть для Воды – стать Землей», – говорили древние греки. Сами мусульмане писали свою историю в той форме, которую избрал и я, так что книга получилась вполне в исламском духе. Следуя примеру своих предшественников, я, несмотря на сложность их перевода, использовал поэтические вставки, как бы украсив текст восточной орнаментикой, подобно яркому событию, выделяющемуся на фоне повседневности, что напоминает неожиданно возникшие на фоне уличного шума звуки музыки.

Едва ли можно ожидать от этого произведения простоты – история не делается чистыми руками. Трудно просчитать силу воздействия этих ушедших в прошлое страстей; и если к концу прочтения вы не определитесь в своих мыслях, то, насколько я понимаю, будете совершенно правы. Истинное знание, как сказал великий суфий, – это постоянное сомнение. Живое сознание человека складывается из лиц и мест: здесь обрывки Священного Писания перемешаны со счетами и квитанциями, бедра прекрасных танцовщиц оказываются рядом с монументальными носами известных комедиантов; и на эту, засвидетельствованную давно умершими, живую картину мира накладывается не только духовное, экономическое, умопостигаемое и логичное, но и непристойное, непредвиденное, таинственно-необузданное и необъяснимое: слухи, измышления и преувеличения.

Симпатия – показатель того, что какая-то часть нашего существа находится в другом месте, измерении, это понимание того, что стиль жизни, подобно исламскому бесконечно далекий от нас, так же как и стиль нашей жизни, принадлежит общечеловеческой культуре, – факт, позволяющий понять, что какая-то часть нашей души, еще до рождения и воплощения, уже была там, на Востоке. Люди, творцы истории, как нам представляется, совершают поступки под воздействием чувств; а чувства, сохранившие свой отпечаток лишь в исторических документах, недоступны для непосредственного понимания разумом. Любая объективность здесь вторична по отношению к субъективному переживанию. Единственный способ познать чувства – почувствовать самому. В данном случае научным подходом будет не объективность, а осознанная субъективность. Из биографии Мухаммеда, несомненно, можно получить некоторое представление об этом религиозном и общественном гении. Но это не будет беспристрастным знанием, оно будет в той или иной форме проникнуто симпатией к этой личности. Можно сказать, что сила воздействия описанной в книгах героической жизни прямо пропорциональна эмоциям, возникающим в конце этой жизни; острому ощущению того, что нечто любимое, нужное и невозполнимое ушло навсегда, а то, что придет, будет обязательно хуже. Исторический факт смерти Мухаммеда – это отчаяние и недоумение его сподвижников по поводу того, как же они будут жить без него. И халифат, исторический факт огромного значения, есть всего

лишь длинная тень этого чувства. И если этого чувства нет, то формирование представления о халифате будет подобно детской игре в ниточки-веревочки.

Итак, халифат возник, чтобы заполнить пустоту потери. Прошли соответствующие двенадцати главам Книги триста лет, и что же – скажите, во имя всего святого! – случилось с этим институтом? Пропасть между нравственной высотой идеального халифата и низостью реального ужасает. Не то чтобы тут была какая-нибудь историческая аномалия, нет, перемена произошла в соответствии с законом свершения: «Власть развращает». Но куда же теперь делся человеческий идеал, общественный идеал? Придав книге историческую форму, я ввел несколько собирательных персонажей пророка, Халифа, Визиря и Дервиша. Они особенно информативны в отношении своего времени, а их притязаниями означены отдельные этапы исторического становления от утверждения общественной религиозности до упадка в эпоху разобщенности религиозности индивидуальной.

Язык меняется от архаичного к простому в соответствии с переменами в интеллектуальной атмосфере, что согласуется с аналогичными переменами на Западе в промежутке между XVII и XX веками: иконоборческий пуританизм, потом роскошь, аморальность и рациональное просвещение, затем восстание интуитивизма против рационализма, пренебрежение к деньгам и другим абстракциям, исчезновение политического истеблишмента, отчаяние и разочарование, породившее то, что Шпенглер назвал «второй религиозностью». Прием перефразировки стихов Корана библейским языком, возможно, может быть оправдан тем, что обращение к благочестивым фразам из Священных Писаний было столь же характерно для прошлых эпох, как и нашей. Придется ли нам в ближайшее столетие испытать катастрофические войны, встретиться с катастрофической некомпетентностью и катастрофической развращенностью – еще только предстоит узнать. Время, как сказал Человек из Маарры, – это длинная поэма, написанная размеренной рифмой, но Поэт никогда не использует одну и ту же рифму дважды.

Роль пролога в повествовании об исламе играет вводная глава, представляющая языческую Северную Аравию. Все здесь выглядит расплывчатым, смутным, слышится звон мечей, глухой стук копыт, на фоне невнятного бормотания раздаются крики и громкое бахвальство.

Этому хаосу Мухаммед придал религиозную и социальную форму. Члены кланов, одинаково неистовые как в племенной верности, так и в распрях, делились на бедуинов-кочевников, разводивших верблюдов и лошадей в пустыне, и поселенцев, занимавшихся земледелием в оазисах или торговлей в небольших городах. Некоторые из кланов были обращены в иудаизм, немногие – в христианство; большинство же, по языческим обычаям, поклонялись камням, водоемам, деревьям и небесным светилам. Их благородство проявлялось в защите слабых, их слава – в безумии и ярости мести, в минуты обольщения и безрассудной щедрости, их глубочайшие мысли были о красоте рода и мимолетности счастья и величия. В этой среде родился Мухаммед. Были те, кто истолковал его откровение как призыв к завоеваниям, основанию городов и развитию искусств. И была в то время такая свобода, на которую с ностальгией взирают искусшенные потомки.

Ваша дорога лежит перед вами. Ваас салам.

Примечания

Цитаты из Корана напечатаны курсивом, за исключением случаев, когда указан источник цитаты.

Арабские имена: Абу означает «отец». Ибн означает «сын». Типичное имя Абу Мухаммед Амр ибн Зейд состоит из почтительного обращения (Абу Мухаммед), личного имени (Амр) и имени отца (ибн Зейд). Имя отца в последнее время взяло на себя функцию фамилии. Иногда встречаются указания на место рождения и профессию (Багдади – из Багдада; аль-Хасиб – счетовод).

Денежные единицы: дирхем – серебряная монета, весом в три грамма. Динар – золотая монета, весом в четыре с четвертью грамма. Дирхем условно можно отождествить с долларом, а динар с десятью долларами.

Даты: мусульманское летоисчисление ведется с хиджры (Исход пророка из Мекки в Медину в 622 г. н. э.). Мусульманский год состоит из двенадцати лунных месяцев, что примерно на три сотых доли меньше нашего солнечного года.

Пустыня

Доблесть и невежество арабов до Мухаммеда

Все вокруг нас – безжалостная пустыня; голый, черный, блестящий берег, состоящий из вулканической лавы. Несколько зеленых ростков полыни на острых каменных выступах распространяют смолянисто-сладкий аромат под иссушающим громадным солнцем...

Бескрайняя равнина и наносы, состоящие из ржавых и голубоватых базальтовых глыб... Твердые, тяжелые, как железо, и звучащие, как колокол, породы. Отполированные песчаным ветром пустыни, породы блестят на солнце.

Это страшное, непригодное в глазах европейца для жизни место и есть добрая бедуинская земля – вотчина отважного Моахиба. Здесь, где здоровый, разреженный воздух, посреди своих обильных стад живут крепкие и грубые горцы-бедуины.

Мы едем дальше по горной дороге вдоль остатков сухой кладки стен, чего-то вроде брустверов и небольших укрытий, похожих на загоны для овец, которые строят пастухи для защиты от волков в горах Сирии. Кроме них встречаются небольшие постройки, напоминающие усыпальницы, поднятые на поверхность земли. Есть и другие – насыпи полукруглой формы, возможно курганы. Кочевники говорят, что это знаки, указывающие, где раньше были источники, но старые знания утрачены. Если я об этом спрашиваю встречного бедуина, он бесстрастно отвечает:

– Дела прежнего мира, до правоверных.

* * *

Остановитесь здесь и плачьте об одной незабываемой любви, о старом²
Лагере в краю песков, раскинувшемся от Кустарников и до начала Разлива,
От Долины до Высот. Эти знаки не исчезли пока еще,
Хоть все уносится обратно на север и на юг.
Взгляни на белых ланей след, рассеянный в дворах старинных,
И пятна от чернил, похожие на перца семена.
Двое, едущих верхом со мною, держатся поближе к стороне моей:
Так как? Ты примешь ли от горя смерть свою, о человек?
Неси же до конца ты то, что должен
Нести.
Обоим вам рассказываю я – для этих слез я больше подхожу —
Найти где место среди этих стен крошащихся мне,
Чтоб выплакаться?

История стара как мир – такова же, как и другие
До нее. Все то же, и снова с нею в Месте мы Раздора.
Вставали женщины, когда их аромат был сладок,
Как предрассветный бриз, сквозь ветви дующий гвоздики.
Я так страдал из-за любви, так сильно, что текли слезы

² Здесь и далее перевод стихотворений с английского языка Н.В. Догаевой-Розман.

По груди моей, и пояс взмок от плача.
И все же – были женщины и у меня в счастливые, хоть редкие
деньки;
И в лучший из всех дней, во дворике
Вошел я в паланкин ее и в паланкин двоюродного брата моего.
– Несчастный, нужно мне идти! – она сказала. – И спасибо тебе! —
Наклонялся паланкин и вместе с нами качался —
Спустись, Имрууль-Кайс! Верблюд рассержен будет!
А я: «Продолжай – останься – расслабься – и ослабь узду —
Ты никогда меня не сбросишь; я снова буду вкушать вот этот плод;
Оставь, ведь голова есть и у зверя; о нем не беспокойся – вместе
мы сейчас.
Продолжай и давай приблизимся к плоду любви! Сладки уста
твои,
как яблоки.
Я ночью приходил любить тебя, но ты была беременной или
кормила дитя».
Я смог заставить женщину такую забыть ребенка годовалого,
Пока не закричал за нею он. Вполоборота повернулась она к нему,
Но бедра подо мной лежали тихо.
Однажды не исполнила она мое желание на дюне
И, давши клятву, поклялась, что сдержит клятву...
Сами орешки белой девственности, запретные в скорлупках,
Сколько б ни играл я ради удовольствия и ни проводил время в
играх.
Той ночью мимо я прошел надсмотрщиков,
наблюдавших за палатками своими,
Мужчин, которые бы пригласили меня лишь затем,
Чтоб славу обрести моим убийством,
В час, когда на небе ночи ярко мерцают Плеяды,
Похожие на пояс, усыпанный камнями драгоценными и жемчугом;
В такой час пришел я; она уже почти совсем разделась, ко сну
готовясь,
Переодеваясь за ширмою шатра.
– Богом клянусь! – она мне прошептала. – Нет оправдания тебе!
Теперь я знаю, что, и увядая, ты будешь столь же необуздан.
Дальше пошли мы вместе; я вел, она тащила за нами
Вышитый низ мантии, который заметал следы все.
Когда прошли мы мимо огороженных дворов, пошли мы прямо
В сердце пустыни, волн и вздымающихся холмов песочных.
Я голову ее привлек к своей, и она, касаясь локонами, прижалась
ко мне,
Стройная, но мягкая в лодыжках даже.
Талия ее тонка, и бел слегка округлый живот,
А кожа чуть повыше груди сверкает зеркалом отполированным
Или жемчужиной из первой воды, слегка позолоченной белизной,
Питающейся из водоема чистого, не замутненного ногами
мужчин.
Дивных волос каскад на голове прекрасной – черных-черных,

Густых, свисающих, подобно гроздьям фиников на пальме.
И вьющихся и, кажется, ползущих вверх к макушке,
А там сплетающихся узлом и рассыпающихся взрывом локонов;
Маленькая талия ее податлива, как узда загнутая;
А икры бледные сравнимы с тростником под тенью пальмы.

Как часто предостерегали о тебе меня, с жестокою враждебностью
Иль утомительною мудростью! В ответ советовал я всем
лишь побережь дыхание.

Сколько раз в жизни ночи накрывала меня огромная морская
волна

Покрывалом густым, испытывая болью, какую только мог я
выдержать,

Пока я не кричал, когда уж сил не оставалось.

И все же казалось, что не иссякнет никогда сей сладкий час.

О Ночь! Ночь! Длинная! Прояснись к рассвету,

Хоть и неутешительно, ведь ты тоскуешь о приходе дня.

Как совершенно твое искусство, ночь! Твои неисчислимы звезды

—

Надежно ли привязаны они к какой-то вечной бесконечной скале?

Я беру мешочек для воды из кожи и ремнем креплю к плечу

Крепко – как часто! – безропотно, мягко к такому седлу,

Пересекая впадину, схожую с низиной, лишённой звезд.

Неужели я слышал волка-расточителя, который проиграл свои

Завывания сокровенные все.

И если б он завыл: «У-у!» – я бы ответил: «Мы совершили сделку
жалкую и неудачную,

Чтоб выиграть, коль сохранил ты столь же мало, сколь и я;

Что б мы ни получали, ты и я, мы упускаем это;

Все, что нам принадлежит, стремится к исчезновению.

Не найдется никогда людей столь процветающих,

Сколь осчастлививляет процветанье нас двоих.

Довольно! Взгляни на молнию, мерцающую в дали небес, там,

Где густое облако, подобно рукам

скользящим, свившимся и взгромоздившим

Корону из волос или огонь, по нити бегущий

С проливающимся маслом лампы, наклоненной рукой
отшельника.

Так мы сидели между Темною Землей и Мелким Лишайником,

И долго смотрели на лик грозы, и далекой она казалась:

Правый фланг дождя над Ущельем висел,

Левый – над покрывалом сверкающим, а дальше увядал.

Вниз, вниз отправился на Рошу воду лить,

Так что огромные деревья к земле пригнулись.

Такой поток струился над Нижними скалами,

Что белоногие олени убежали с пастбищ всех;

А в Тайме ни одна пальма не поднялась, когда все завершилось.

И башня ни одна не устояла, кроме той,
которая заложена была в твердой скале.
Лишь выстояла впадина пустая в этом шторме,
Подобно старику высокому в серо-полосатом плаще.
На рассвете следующего дня пик Встреч Холма, разрушенный
И окруженный водой, был не больше головки прялки.
Шторм рассеял его по всей Равнине-Седлу,
Как торговец, прибывший из Йамана, сбрасывает свои товары.
И птицы небольшие предрассветные пели вдалеке
По всей горной стране так,
что напоминали пьяниц, обезумевших от пряного вина.
А испачканные грязью, тонули звери дикие,
напоминая корни морского лука,
В ту ночь, лежа в долинах, где потоп обратился в отлив.

* * *

Если позволяет она тебе любить себя, мужчина, прими утехи
полностью;
Но никогда рыданий не души, в тот миг, когда уйдет она.
Разве не сладка и не нежна она? Подумай же тогда,
что в какой-то день другой
Какому-нибудь другому мужчине повезет найти ее столь же
сладкой,
сколь и нежной.
Дала ль она обет в том, что разлука не разрушит никогда присяги
верности?
Глупец! Кто верил верности с окрашенными красным кончиками
пальцев.

Смотри, вот человек, который не считал,
хотя б однажды, усилий-мук трудов!
Человек дерзаний множества, и целей, и путей!
Весь день напрасно едет он; а вечером вернется другим —
Одиноким, едущим верхом на неоседланной Тревоге и
приводящим Смерть;
Опережает Ветер он в конце концов, хоть Ветер и несется мимо
стремглав,
Ведь порыв подует и ослабевают, а он не прекращая скачет.
Наконец сна игла зашивает его глаза, но нужен ему не страж,
Который закричит, как осторожный человек от неустрашимости:
«Пробудись!
Встань от сна, чтобы увидеть первого из движущегося отряда,
Стоящего и извлекающего лезвие тончайшее, от заточенности
яркое!»
Видеть, как вышибают ему грудину, – все равно что смотреть
На челюсти в Погибели ревушем смехе.

Пустыня дорога ему; и путешествует он там,
Где Млечный Путь над головою шествует его.
Человек подобен солнцу зимнему, пока
Сияет Сириус; потом уж темный и холодный.
Тонкий профиль, худощавый, но не от бережливости:
Он Отдающий человек, Сердечный, и Отзывчивый, и Гордый.
Он с Осмотрительностью вместе путешествовал,
И там, где он приостанавливался и делал привал,
Осторожность оставалась стоять с ним рядом.
Длинные выющиеся волосы и изысканная гордость,
Но вел борьбу, как волк голодный.
Два вкуса у него: меда и желчи;
И знали все лишь его горечь иль сладость³.

³ Имрууль-Кайс.

Гибель воина Рабиа по прозвищу Длинноволосый

Рабиа заметил вдали облако пыли.

– Скачите вперед! Скорей! – крикнул он женщинам, бывшим с ним. – Я не думаю, что это друзья преследуют нас.

Я подожду здесь, пока уляжется пыль, и выясню, кто это. Если это враги, я нападу на них из-за деревьев и увлеку их за собой. Мы встретимся на перевале Газал или Усфан в Кадиде. Если мы там не встретимся, то, по крайней мере, вы доберетесь до нашей страны.

Рабиа вскочил на коня и поскакал навстречу неизвестности. Он показался из-за деревьев, и преследователи бросились за ним, будучи уверенными, что женщины недалеко. Длинноволосый был искусным лучником, и его стрелы заставили врагов, остановившись, позаботиться о своих мертвых и раненых. Он пришпорил коня, догнал своих женщин, и они вместе понеслись еще быстрее. Но люди племени сулайм не отставали. Тогда он повернулся к ним лицом снова. Так продолжалось, пока не закончились стрелы. На заходе солнца они достигли страны Кадид. Но лошади, черные от пота и пыли, и люди, горящие жаждой мести, были уже близко. Тогда он повернул еще раз, и много врагов полегло от его меча и копья, но тут Нубайша, сын Хабиба, вонзил свой дротик ему в грудь.

– Я убил его! – воскликнул Нубайша.

– Ты лжешь, лживый рот, – ответил Рабиа.

Но Нубайша понюхал острие своего копья и сказал:

– Нет, это ты лжец; я чувствую запах твоих внутренностей!

Тогда Рабиа повернул коня и, несмотря на рану, поскакал ко входу в ущелье, где его ждали женщины. Он попросил у матери:

– Пить! Дай мне пить!

– О сын мой! Если я дам тебе пить, ты умрешь немедленно, на этом месте; и нас схватят.

Потерпи, мы можем еще уйти.

– Тогда перевяжи меня.

Она перевязала его своим покрывалом, и он прочел стих:

Скорей перевяжи меня!

Ведь ты теряешь всадника, похожего на золото горящее:

На сокола, который вел людей, как стаю птиц,

И упал камнем, ударившись всем телом.

Его мать ответила:

Мы – главный столп Малика и Талабы,

Мы сказка мировая без конца.

Народ наш гибнет, муж за мужем;

Существование наше угасает.

Теперь вперед! Пока есть силы, бейся!

Итак, он остался, чтобы встретить врага еще раз, в то время как женщины поспешили вперед так быстро, как только могли. Длинноволосый сидел на коне, закрывая собой узкий проход, и, когда он почувствовал, что смерть приходит к нему, оперся на копье и стал ждать. Когда люди из племени сулайм заметили его в сумерках, все еще сидящего на коне, они долгое время медлили, не решаясь напасть на него, думая, что это живой человек. В конце концов Нубайша, приглядевшись, сказал:

– Его голова упала набок, клянусь, это мертвец!

Человек из племени хузаа пустил стрелу, конь дернулся, и Длинноволосый упал лицом на землю. Тогда преследователи обыскали тело. Но они побоялись идти дальше, так как в это время им безопасней было быть ближе к дому. Воин из племени сулайм подъехал к поверженному.

– Ты защищал своих близких, будучи живым и будучи мертвым! С этими словами он вонзил древко своего копья в глаз Рабиа.

Горе сестры

О нем напоминает солнце восходящее и заходящее:
Его я вспоминаю во время каждого заката.

Ниже Салы в расщелине камней лежит
Один убитый. То капает отмщенья кровь...

Многие из нас шли сквозь жару полудня,
Сквозь сумерки, а на рассвете
Остановились – с острым железом,
Клинками, однажды искривленными, извлеченными,
Что сияли молнией.
Они похожи на сон, испитый малыми глотками, или дремоту;
И Ужас снизошел! И были рассеяны они.
Мы мсть свою вершили: из этих двух колен
Погибла жалкая лишь горстка!

Хоть клан Хузайль меч окончательно сломал свой,
Как часто наш зазубривался на Хузайле!
Рассветов сколько пало на лагерь их,
А после резни хорошей пришли грабеж и с ним дележ, раздел
добычи.
Хузайль сожжен! Я сжег их! Я бесстрашен!
Я неумолим, в то время как они устали,
Чье копье испило первый глоток глубокий крови, и полюбило это,
И вновь глубоко испило кровь неприятеля.
Вином я клялся, что пока не будет подвиг совершен;
Без всякого труда себя освободил от этой клятвы.
Чашу протяни мне, наконец, двоюродный мой брат;
Гнев за убитую семью меня опустошил.
Мы протянули чашу им: в ней скрывалась Смерть в глотке вина;
В осаде укрыты были Позор с Бесчестием вдвоем!
Гиена насмехается над убитыми Хузайль!
Волк клыки свои оскалил над тем, что от них осталось,
Стервятники, отяжелевшие от пищи, раскачивают фургоны их,
Мертвых топчут и пытаются взлететь,
Но слишком тяжелы, чтобы летать.

Ни разу шейх не умирал наш умиротворенный на своем ложе,
Никогда не оставалась неотмщенной наша кровь.

Сватовство господина Хариса

Однажды Харис обратился ко мне с такими словами: – Брат, как ты думаешь, есть ли на свете человек, который откажется отдать за меня свою дочь?

– Есть один такой.

– Кто?

– Аус из рода Тай.

– Поезжай со мной, – сказал тогда Харис, и мы, сев на одного верблюда вдвоем, поехали к Аусу.

Аус был дома. Когда он увидел Хариса, он сказал:

– Приветствую тебя, Харис.

– И я тебя.

– Что привело тебя ко мне?

– Я приехал свататься.

– Тогда ты приехал не в то место.

Так сказал Аус и, повернувшись спиной, в раздражении, пошел к своей жене, стоявшей в дверях дома. Жена, женщина из племени абс, спросила:

– С кем ты говорил так недолго?

– С господином Харисом.

– Почему ты не пригласил его в дом?

– Он вел себя как глупец.

– Как?

– Он сватался.

– Разве ты не хочешь, чтобы твои дочери вышли замуж?

– Хочу.

– Если не за этого благородного араба, то за кого тогда?

– Не знаю, но что сделано, то сделано.

– Все еще можно исправить.

– Как! После того, что произошло между нами?

– Скажи ему так: «Я был не в духе, когда ты приехал, твои слова были неожиданны для меня, я погорячился, но сейчас, прошу тебя, вернись, и ты получишь от меня все, что хочешь». Не сомневайся, что Харис согласится.

Аус поскакал за нами. Я шел пешком и случайно, повернувшись, заметил его. Я сказал об этом Харису, тот угрюмо молчал, потом сказал: «Нам больше не о чем с ним говорить, поехали!» Когда Аус увидел, что мы не собираемся его ждать, он закричал: «Харис, подожди!» Мы остановились, Аус пересказал слова своей жены, и Харис с радостью согласился быть его гостем.

Когда мы вошли в дом, Аус сказал жене: «Приведи старшую дочь». Девушку привели, и отец обратился к ней со словами:

– Дочь моя! Перед тобой благородный араб Харис, сын Ауфа. Он приехал просить руки одной из моих дочерей. Я решил отдать ему тебя, что ты скажешь?

– Не делай этого.

– Почему?

– Я не красива, и характер мой дурен. Я не родня ему, чтобы он уважал меня, и твоя страна не граничит с его, чтобы страх перед тобой остановил его. Если я когда-нибудь вызову его гнев, он разведется со мной, упаси меня Господь от судьбы разведенной жены.

– Иди, благослови тебя Господь, и приведи свою сестру.

Аус сказал средней дочери то же, что и старшей, и она отвечала:

– Я невежественна, неуклюжа и не умею рукодельничать. Я боюсь, что не понравлюсь ему и он разведется со мною. Ты знаешь, какова судьба разведенной. Он не родственник нам, чтобы уважать нас, и не сосед, чтобы бояться.

– Ступай с Богом и позови Бахайсу, младшую сестру.

Привели младшую дочь. Аус обратился к ней с тем же вопросом, и она отвечала:

– Пусть будет так, как ты хочешь.

– Твои сестры отказались, почему ты согласилась?

– Я прекрасна лицом, благородна душой, искусна в рукоделии и, будучи твоей дочерью, знатна родом. Если он разведется со мной, Бог накажет его.

– Храни тебя Господь, – сказал Аус и, выйдя к нам, торжественно произнес: – Харис, я даю тебе в жены Бахайсу, дочь Ауса.

– Я беру ее.

Тогда Аус приказал жене одеть невесту в подвенечное платье и велел поставить шатер для Хариса. Когда невеста была готова, ее отвели к мужу. Но Харис пробыл внутри лишь короткое время, после чего вышел ко мне. Я спросил:

– Все в порядке?

– Нет.

– Как же так?

– Когда я прикоснулся к ней, она сказала: «Нет! Неужели ты сделаешь это перед моим отцом и братьями? Во имя всего святого, нет! Это будет недостойно».

Тогда Харис погрузил вещи на верблюдов, и мы отправились домой. Дорогой Харис сказал мне: «Поезжай вперед». Сам же свернул в сторону вместе с девушкой. Но вскоре он поравнялся со мной опять; я спросил:

– Все хорошо?

– Нет.

– ???

– Она сказала мне: «Разве ты поступишь со мной как с рабыней, которую можно купить, или как с пленницей, захваченной в бою? Нет! Клянусь Богом! Не делай этого, пока ты не заколешь верблюдов и овец и не пригласишь всех на пир в честь нашей свадьбы».

– Поистине, – сказал я, – это женщина большой души и ума, надеюсь, она родит тебе благородных сыновей, Бог даст.

Итак, мы приехали домой, и Харис приготовил угощение и созвал пир и затем вошел к ней. Но вскоре вернулся, и я спросил:

– Все в порядке?

– Нет.

– Почему?

– Я вошел к ней и сказал: «Смотри, я приготовил пир». Она ответила: «Мне говорили, что ты благородный человек, но я этого не вижу. Неужели ты можешь с легким сердцем пировать сейчас, когда арабы убивают арабов?» – «Что же ты хочешь от меня?» – спросил я. И она ответила: «Поезжай к своим родственникам и помири их, потом возвращайся, и ты получишь желаемое».

– Клянусь Богом, это благородные и мудрые слова!

После этого мы поехали к племенам абс и зубьян и наставляли их на путь мира. Мир был заключен на следующих условиях: были подсчитаны убитые с каждой стороны, и цена излишка была взыскана с племени, которое убило больше воинов, чем другое. Мы вдвоем взяли на себя долю выкупа за кровь в размере трех тысяч верблюдов, который был выплачен в течение трех лет. Итак, мы вернулись в лучах славы домой, и Харис возлег со своей женой, и она родила ему сыновей и дочерей.

Не сделать зависти его подобным тем, о ком они вещают:
Ведь мудрость с зрелостью шли рядом с ним все дни.
Люби жизнь – и живи ты долго – живи благополучно – по-
прежнему
Жизнь долгая запечатлется в морщинах на лице твоём.
Но время научило меня кое-чему – все остальные вещи лгали;
Дни тают, их утрата позволяет проясниться и явиться
непредвиденному.
И в конце концов теперь я знаю,
как могущественные люди пользуются властью.
Все влиятельные люди добьются похвалы,
какой позор они б ни заслужили.
Я знаю также: в бедности сокрыто сердце великое,
Возвышенное, совершенное, но ношеньё это подобно целованию
кнута из сыромятной кожи.
Бедный человек смотрит на величие славы, власти, лавров
Как на вершину, на которую ему уж не взобраться.
И сидит среди остальных – в молчании, безмолвствуя...

Когда рождалась девочка, его лицо мрачнело: «Оставить ее на позор себе или похоронить
в песках?» Погребение дочерей – дело благородное.

Ушла Умейма, чтоб остаться там, где камни высоки
и разговаривают с умершими;
Ребенок беспризорный приходит в ее тихую и скрытую от глаз
подземную обитель;
А я сплю крепко. Ныне Осторожность не приходит никогда,
чтоб разбудить меня.
Не посещает ревность меня с той поры, как все, к кому я ревновал,
скончались.

Смерть мне не недруг; я не называю ее недоброй.
Смерть дала Покой мне, даже если более великим даром
было бы Странствие.

Терпи. Ты должен выдержать.
Для человека рожденного свободно только способность
вынести удары все судьбы – честь.
Время потеряло свое масштабное значение;
ни помощи нет, ни исцеления от его разрушения силы.
Даже если сумело подчинить оно и помогло повиноваться страху
своему
Иль человек отбить удар невзгод смог любим униженным
согласием,
Все ж выдержать ударов натиск полный и уколов Судьбы со
стороны людей,
все ж выдержать – единственная честь.

Дурайд, сын Аддера

Дурайд был победителем, удача сопутствовала ему в его планах. За свою жизнь он совершил более сотни набегов. Битва в Барханах – одна из наиболее известных...

Часовой на барханах закричал:

– Я вижу людей, у них курчавые волосы и одежды цвета шафрана.

– Они из клана Ашджа, – сказал Дурайд, – их не надо бояться.

– Теперь я вижу других, – сообщил часовой, – они похожи на детей, их копыта лежат между ушами коней.

– Эти из племени фазара, – сказал Дурайд.

Часовой выкрикнул опять:

– Теперь подошли другие, смуглые, темные люди, как глубоко врезаются копыта их лошадей в землю, поднимая облако пыли величиной с гору. Копья свои они тащат позади себя.

– Эти из племени абс! – воскликнул Дурайд. – Они несут с собой смерть!..

После боя Дурайд, лежавший раненный среди тел своих братьев, услышал, как Захдам из племени абс сказал своему товарищу Кардаму:

– Похоже, Дурайд еще жив, мне кажется, что он моргнул. Пойди и прикончи его.

– Нет, он мертв, – сказал Кардам.

– Я сказал, походи и посмотри, дышит он или нет.

Тогда Кардам спешился, осмотрел тело Дурайда, сел в седло и сказал:

– Точно, мертв.

Позже, в священный месяц, паломники в Мекку из племени абс и племени фазара проходили через землю Дурайда и, боясь быть узванными, закрыли лица платками, так что одни глаза остались видны. Дурайд, увидев паломников, подошел приветствовать их и спросил:

– Откуда вы, добрые люди?

– Ты меня спрашиваешь? – ответил один из всадников.

Дурайд узнал голос Кардама.

– Мне нет нужды спрашивать, я знаю, кто вы. – С этими словами он обнял его и дал в подарок коня, меч и копьё. – Это моя благодарность за битву в Барханах.

– Как не оплакивать мне брата твоего? – сестра спросила...

Утраты, горе: заполнена одна могила, выкопана другая —

От этой лихорадки мести исцелиться можно,

Только убив или погибнув.

Дурайд был героем своего народа, племени хавазин, и военачальником в битвах.

Он дожил до эпохи ислама, но не стал правоверным, и в битве при Хунайне он выступил со своим кланом на стороне неверных против пророка, его брали с собой за его удачливость и мудрость. Ему было около ста лет, он почти ослеп. В лагерь Дурайд приехал на верблюде, в паланкине.

– Как называется эта долина? – спросил он.

– Аутас, – ответили ему.

– Хорошее место для того, чтобы двигаться галопом: не слишком каменистое, чтобы поранить копыта лошадям, и не слишком мягкое, чтобы замедлить бег. Но почему я слышу крики верблюдов, ослов, плач детей и бляение баранов?

– Малик привел детей, женщин и скот вместе с войнами.

– Приведите Малика.

Когда пришел Малик, Дурайд обратился к нему:

– Малик, ты вождь твоего народа теперь, и от сегодняшнего Дня зависят все наши будущие дни. Что означают эти крики животных и плач детей?

– Я думал, что, если каждый воин возьмет своих детей и добро, он будет сражаться мужественней.

– Дурная мысль! Пастух со стадом овец! О, какое невежество. Может ли человек бороться с Судьбой? Послушай, если сегодня тебе суждено победить, то все, что тебе нужно, – это воины с мечами и копьями, но, если Судьба распорядится иначе, ты оставишь своих женщин, детей и имущество на поругание и грабеж. – Помолчав немного, он продолжил: – Племена кааб и килаб пришли?

– Нет.

– Тогда наш меч будет лишен обоих лезвий. Если бы день предвещал удачу, они пришли бы. Было бы лучше, чтобы и ты поступил как они. Есть кто-нибудь из племени амир?

– Дети Амира и Ауфа, больше никого.

– Подростки! От них не будет вреда, но пользы тоже. Малик, это поистине глупый поступок – отправить детей, прекрасные цветы народа хавазин, под копыта коней. Отправь их в горы, оплот нашего рода, и пошли на врага конницу. Если победа будет твоя, ты получаешь все, если нет, то ты, по крайней мере, спасешь детей и стада и не будешь обесчещен бесчестьем твоих женщин.

– Нет! Клянусь Богом, ни за что! – воскликнул Малик. – Ты выжил из ума, ты слишком стар. Либо вы, люди Хавазина, будете повиноваться мне, либо я брошусь на свой меч!

Он сказал так, потому что не хотел, чтобы слава и мудрость Дурайда превзошли его собственные. Все окружавшие их люди закричали: «Мы слушаем тебя, а не Дурайда».

Победа досталась в тот день пророку; и Малик с большей частью войска бежал и добрался в целостности и сохранности до Таифа, оставив семьи и стада на милость победителей. Некоторые из брошенных на произвол людей спасались бегством по дороге на Нахлу; их преследовала конница пророка. Молодой воин из племени сулайм по имени Рабиа поравнялся с верблюдом, на котором ехал Дурайд в своем паланкине. Думая, что там женщина, юноша схватил повод и заставил верблюда стать на колени; и вот! В носилках оказался старик.

– Что ты хочешь? – спросил Дурайд.

– Ты должен умереть.

– Скажи, как твое имя, из какого ты рода?

Воин назвал его и нанес ему удар мечом, но не смог убить его.

– Плохое оружие дала тебе мать, – сказал старик. – Возьми мой меч, он в ножнах позади седла, и ударь меня им с размаху чуть пониже головы и чуть повыше плеч, как делал я сам в былые времена. А потом иди к матери и скажи ей, что убил Дурайда, сына Аддера; много лет я защищал женщин твоего народа.

Тогда молодой сулаймит размахнулся и ударил его еще раз его собственным мечом. Голова покатила, тело осело. Рабиа заметил, что от постоянной езды в седле кожа на бедрах старика стертая и затвердевшая, как пергамент. Когда он вернулся домой, то рассказал матери о своем подвиге.

– О сын мой! – воскликнула она. – Человек, которого ты убил, спас однажды из плена меня, твою мать, мать твоего отца и мою мать также.

Разбито, уничтожено Амира племя. Не осталось ничего от их добра.

Теперь в лугах А'рафа – только разрушенные жилища,

Палаток тени рваные и руины стен и укреплений,

Ветвь, оторванная от ветви, испорчено все ветром и погодой.

Все исчезло, древние ушли, все мудрые советы унесли с собой,
Не осталось среди нас ни одного, только народ,
чьи кони – всего лишь кобылы.
Мир Амиру теперь; однако еще хвалите и благословляйте
древность,
Где бы на земле ни был путь ее иль остановка.

Таким же был прекрасным он,
Каким ты был в Рахмане,
Табид, сын Джабира, который убивал врага
И наливал вина для друга своего.

* * *

За час до рассвета мы слышали крик «ОТПРАВЛЯЕМСЯ!». Люди в спешке встают, тлеющие сторожевые костры раздуты, и сучья подброшены, чтобы дать нам свет, слышны резкие выкрики работающих людей и хрип множества верблюдов. Однако минута-две – и все смолкает: ездоки в седле и те, что на ногах, деловито осматриваются в сумерках, не забыли ли чего.

Мы выступаем, и очередной переход начинается, чтобы продлиться весь долгий, знойный день до вечера...

В нашем караване сто семьдесят верблюдов, несущих около тридцати тонн масла, и семьдесят человек, сорок из которых едут на верховых верблюдах, остальные – погонщики... В таком большом городском караване есть начальник, он знатного рода... Мы разбиты на группы: каждый хозяин со своими друзьями и слугами. Каждая группа несет палатку или навес для защиты от зноя на полуденных остановках и чтобы накрывать масло, которое плавится в мехах из козьих шкур в жаркие часы. Меха должны быть густо смазаны изнутри финиковой патокой. Каждые меха привязываются к ленчику седла специальной петлей...

После трех часов пути по пустынной равнине... мы у границы глубоких песков, и вскоре под нашими ногами грубый гравий: мы снова вступаем в гранитно-базальтовую центральную область Аравии, которая тянется от гор Шаммара до Мекки... Караваны идут в Мекку через переход Вади-Лаймун. Мекка окружена горами...

На каждой полуденной остановке верблюдов отпускают пастись... Гигантские животные, изнемогая под своей ношей, сильно потеют и, чувствуя жажду, все семнадцать дней, пока их не разгрузят в Мекке, почти ничего не едят... Погонщики после трех дней пути теряют все свое слабое самообладание; они кричат на животных раздраженными голосами, подгоняют отстающих древками копий, ругаются, причитают, стенают и произносят в их адрес зловещие проклятия: «Эй! Ты, падаль для ворон! Эй, туша для мясника...» С каждым днем погонщики становятся все раздражительней и немногословней; с пересохшими от жажды языками, они изредка перебрасываются язвительными репликами: «Разве я раб твоего отца, чтобы служить тебе...» Как приятен ровный и покладистый нрав бедуинов по сравнению с несдержанностью горожан.

Наконец я вижу, что солнце почти зашло... Мы въезжаем в небольшое ущелье и спешиваемся. Мы теперь в цивилизованной стране – аравийской Мекке... Отсюда до Мекки около двадцати двух миль. Ночь приносит с собой теплый туманный воздух, и мы узнаем по лаю собак, что здесь много кочевников и бродяг.

Мы ложимся на песок, укутываемся в плащи и спим два часа, затем вереницы верблюдов снова идут проторенным путем... Всадники, садясь в седла, отправляются вперед – мы приближаемся к Мекке! Некоторые из погонщиков громко произносят молитвы паломников

у горы Арафат. Но в сердцах торговцев маслом, ежегодно привозящих свой товар, нет благоговейного трепета. Труды тяжкие ожидают их в Святом Городе... все дни на базаре продавать товар, и душные ночи не приносят отдыха... В Мекке почти весь год тропическая жара... Люди из каравана расходятся: те, кто живет в Городе, идут домой, другие снимают жилье.

В утренних сумерках я вижу, как мы подходим к стене фруктового сада, за которой видны виноградники и смоковницы... Теперь мы выходим на дорогу, дорогу в Аравии!.. Мы проходим мимо двух домов у обочины дороги... На следующем подъеме я вижу поселение... Мы выходим опять на дорогу, пройдя через теплый поток, спускающийся с тех дальних гор, в которых зарождаются муссоны... Водоносы идут от реки, пошатываясь под бременем огромных бурдюков; среди них есть такие, что могут поднять на своих могучих плечах ношу верблюда!.. Ворота, через которые мы прошли, называются Врата Потока.

Улицы грубой застройки, дома побогаче покрыты штукатуркой. Дороги немощеные...

Посланник бога и его книга

Говорят, что, когда поэту-идолопоклоннику Зухайру было более ста лет, он встретил пророка Мухаммеда, и пророк, увидев его, воскликнул: «Господи, упаси меня от демонов, сидящих в этом человеке!»

Смотри, – пророк! Свет, освещающий мир,
Меч обнаженный Божьего воинства!

* * *

Посланник Бога Мухаммед родился в Мекке в Год Слона (или в 570 г. н. э.), его матерью была Амина из племени зухра, его отцом – Абдаллах, Хашимит из племени курейш. Его мать умерла, как говорят одни, когда пророк был грудным младенцем, но другие говорят, что к тому времени ему было два года. Его отец умер за четыре месяца до рождения сына. До пяти лет он воспитывался в семье Халимы, женщины-бедуинки из племени саад.

Однажды (как рассказывала Халима), когда Мухаммед и его молочный брат пасли скот позади лагеря, ее сын подбежал к ней с криком:

– Мой брат! Курейшит! Он говорит, что два человека в белом взяли его, положили на бок, разрезали его живот и засунули туда свои руки!

Когда женщина и ее муж побежали к ребенку, то нашли его стоящим неподвижно, с лицом белым как мел.

– Что с тобой? – спросили они.

– Два человека в белых одеждах подошли ко мне, – ответил он, – положили меня на бок, распорили мой живот и искали там что-то, – я не знаю что.

Они привели его в свою палатку.

– Халима, – сказал мой муж, – мальчик болен. Я думаю, нам лучше отвести его назад к его родственникам, прежде чем это станет очевидно.

Таким образом они отдали его.

После чего Мухаммед жил в доме своего деда. Когда пророку было восемь лет, его дед умер, поручив его заботам Абу Талиба, дяди Мухаммеда.

В двадцать пять лет Мухаммед женился на Хадидже, женщине из племени курейш, своей сорокалетней двоюродной сестре. Ее первый муж умер, оставив ей большое состояние, и она занималась торговлей. В Мекке Мухаммед был известен как честный человек и даже имел прозвище Надежный. Зная это, Хадиджа поручила ему пойти с ее караваном в Сирию. Некоторые говорят, что она наняла его как слугу, другие – что она взяла его в качестве партнера. Когда караван вернулся в Мекку и товар был продан с хорошей прибылью, она послала за ним и сказала:

– Ты знаешь, что я женщина не молодая и достаточно богатая, чтобы нуждаться в муже, но для моего дела мне нужен управляющий. Я наблюдаю за тобой и считаю тебя честным и преданным, в твоих руках мое имущество не только не пропадет, но и преумножится. Иди разыщи своего дядю Абу Талиба, и пусть он попросит моего отца отдать меня тебе в жены.

Пятнадцать лет Мухаммед был мужем Хадиджи, когда, в возрасте сорока лет, он впервые ощутил Призыв быть пророком. Она прожила еще несколько лет после этого переломного события; и все это время Мухаммед, из любви к ней, не брал себе другой жены. Он имел от нее

троих сыновей и четырех дочерей; мальчики умерли перед его Призывом, но дочери остались с ним.

Каждый год в месяце Раджабе, по обычаю того времени, все благочестивые люди города восходили на гору Хира и жили там в посте и молитве. В тот сороковой год своей жизни Мухаммед спустился с горы, пришел домой и сказал своей жене:

– Хадиджа, я боюсь, что сойду с ума!

– Почему? – спросила она.

– Потому что, – ответил он, – я вижу в себе признаки сумасшествия. Когда я иду по дороге, у каждой скалы и каждого холма мне слышатся голоса. И ночью я вижу во сне гигантское существо, голова которого касается неба, а ноги упираются в землю. Я не знаю, кто оно, но оно приближается все ближе и ближе, как будто хочет схватить меня.

– Не тревожься, Мухаммед, – сказала она, – ты честный и достойный человек, и тебе нечего бояться.

Но Мухаммеду было тяжело на сердце, он часто ходил на гору Хира и сидел там в одиночестве, поздно возвращаясь домой с выражением печали на лице.

Это случилось ночью, в понедельник, в месяце Рамадане.

Ночь судьбы

Дух явился к нему и приказал: «Читай!» И он ответил: «Я не могу читать». Тогда Дух схватил его с силой и сказал снова: «Читай!» И он повторил: «Я не могу». И Дух схватил его во второй раз, говоря:

1. Читай [откровение] во имя Господа твоего, который сотворил [все
2. создания],
3. сотворил человека из сгустка [крови].
4. Возвещай, ведь твой Господь – самый великодушный,
5. который научил [человека письму] посредством калама⁴,
6. научил человека тому, чего он [ранее] не ведал⁵.

Тогда Дух оставил его. Он спустился с горы, весь дрожа, и возвратился домой, повторяя главу. Ему стало холодно, он склонил голову и сказал жене:

– Укрой меня! Укрой меня!

Хадиджа накрыла его плащом; и он заснул.

Затем Дух возвратился и крикнул Мухаммеду громовым голосом:

1. О завернувшийся!
2. Встань и увещевай,
3. превозноси своего Господа,
4. очисти одежды свои,
5. избегай скверны...⁶

Тогда Мухаммед отбросил плащ и встал.

– Разве ты не будешь больше спать? – спросила жена.

– Нет больше ни сна, ни отдыха для меня, – сказал Мухаммед. – Он повелевает мне призывать людей к БОГУ. Но кого я буду звать? И кто поверит мне?

– Призови меня первой, я верю тебе, – ответила она.

У Мухаммеда был близкий друг, некто Абу Бакр, человек, пользовавшийся уважением в племени курейш, честный и богатый, занимавшийся торговлей. В те времена существовал обычай, согласно которому каждый, кто приходил в святилище в Мекке, должен был совершить ритуальный круг вокруг Черного камня и поклониться одному из идолов, которые находились в Святом Доме⁷. После этого, согласно своему желанию, он мог присоединиться к одной из групп людей, в центре которых сидели наиболее уважаемые люди города. Мухаммед обычно сидел в компании Абу Бакра и делился с ним своими делами. Услышав призыв, он решил прежде всего повидать друга.

Утром он пошел к Абу Бакру. И вот! Абу Бакр идет, чтобы встретить.

– Я шел, чтобы посоветоваться с тобой, – сказал Мухаммед.

⁴ К а л а м – письменная трость. (Примеч. пер.)

⁵ Сура 96. Здесь и далее Коран приводится в переводе М. – Н. Османова с сохранением авторской транскрипции имен.

⁶ Сура 74.

⁷ К а а б а – священный храм мусульман в Мекке. В наружной стене Каабы, у восточного угла, ниша с Черным камнем (древним фетишем).

– А я – с тобой, – сказал Абу Бакр, – но говори сначала ты, поскольку мой рассказ длинен. Тогда Мухаммед сказал:

– Вчера Ангел явился ко мне и повелел мне призывать людей к Богу. Он сказал: «Люди должны поверить в Бога, в то, что я послан Им, и не должны больше поклоняться идолам». Я хотел спросить тебя, кого я должен призывать и кому я могу довериться?

– В таком случае позволь мне быть первым человеком, который будет призван тобою, – сказал Абу Бакр.

Тогда пророк с радостью сообщил ему формулу ИСЛАМА (что означает Преданность Господу); и Абу Бакр произнес Символ веры, а именно:

Нет БОГА, кроме АЛЛАХА,
и Мухаммед – пророк ЕГО.

Есть Предание, идущее от первых последователей пророка, согласно которому тот произнес: «Из всех, кому я когда-либо предлагал ислам, никто не принял его так легко, как Абу Бакр; он не колебался ни секунды».

Поначалу Абу Бакр держал свою Веру в тайне; но каждый раз, будучи в святилище и беседуя с людьми, пытался обратить их в ислам; когда это удавалось, он приводил их к пророку, и они произносили Символ веры. Первый человек, которого он обратил, был Осман; за ним последовали Абд аль-Рахман, сын Ауфа, Зубайр, Талха, Саад, сын Абу Ваккаса, и другие, пока их число не достигло тридцати девяти правоверных. Они держали свою Веру в тайне.

И послал Бог Откровение:

13. В тот день человеку возвестят о том, что он совершил и чего не совершал [из добра и зла].

14. Но человек свидетельствует против самого себя,

15. даже если он пытается оправдаться.

16. Не повторяй [, Мухаммад,] его (т. е. Корана), чтобы ускорить [запоминание, опасаясь ухода Джibriла],

17. ибо Нам надлежит собрать Коран [в твоём сердце] и прочесть его [твоими устами людям].

18. Когда Мы возвещаем тебе его [устаи Джibriла], то слушай внимательно чтение.

19. Далее, воистину, Нам надлежит разъяснить его.

20. Но нет, вы любите [жизнь] преходящую

21. и пренебрегаете будущей.

22. Лица [счастливых людей] в тот день будут сиять

23. и взирать на Господа своего.

24. А лица [обитателей ада] в тот день будут омрачены

25. думой о том, что их поразит беда.

26. Так нет! Когда [душа] дойдет до ключицы

27. и спросят [сородичи]: «Кто же заговорит [от смерти]?»

28. Тогда догадается умирающий, что настала разлука [с миром],

29. что сойдутся [земные и потусторонние] муки

30. в тот день, [когда его] пригонят к Господу твоему⁸.

⁸ Сура 75.

* * *

Люди, собираясь в святилище, стали поговаривать, что Мухаммед основал новую веру, что он объявил себя пророком Бога и имеет послание от Бога; и что некоторые верят ему и молятся втайне. Некий Абу Джахль заявил: «Если я найду человека, который верит ему, я разможу ему голову, как ядовитой змее, если я увижу, что Мухаммед в святилище поклоняется кому-либо, кроме моего бога Хубала, я вышибу ему мозги камнем. По крайней мере, убийство племянника собьет спесь с Абу Талиба».

Бог ниспослал Главу Рассвета:

1. Скажи: «Ищу убежища у Господа рассвета
2. от зла того, что Он сотворил,
3. от зла ночного мрака, когда он застилает [мир],
4. от зла дующих на узлы [колдуний],
5. от зла зависти завистника»⁹.

* * *

Правоверные не осмеливались входить в Святилище, они молились дома или на горе Хира. Абу Талиб, узнав об этом, решил поговорить с Мухаммедом. Пророк рассказал ему все как есть и пытался обратить его в ислам, но Абу Талиб ответил: «Я не буду менять свою веру – это вера моего отца, но я помогу тебе».

Из неверующих самый ожесточенный противник пророка среди его собственной родни, Хашимитов, был его дядя Абу Лахаб. Ибо сказано:

«ОСТЕРЕГАЙСЯ ПЛЕМЕНИ СВОЕГО, БЛИЗКИХ ТВОИХ!»

Мухаммед взошел на холм Сафа, возвысил свой голос и, когда Хашимиты пришли на его призыв, произнес:

- Если я буду предупреждать вас о приближении врага, вы поверите мне?
- Да, – ответили они.
- Тогда я даю вам предупреждение, – сказал пророк, – о страшном наказании:

1. Когда земля задрожит, сотрясаясь,
2. и извергнет то, что в ее чреве,
3. и человек спросит [в страхе]: «Что с нею?» —
4. в тот день она поведает [человеку] о том, что с нею,
5. поскольку Господь твой внушил ей [поведать об этом].
6. В тот день люди толпами выйдут [из могил], дабы обрести [воздаяние] за свои дела.
7. Кто бы ни совершил добро – [хотя бы] на вес пылинки, он обретет [воздаяние за] него.
8. Кто бы ни совершил зла – [хотя бы] на вес пылинки, он обретет [возмездие] за него¹⁰.
- <...>
14. на тот день, когда земля будет сотрясаться и горы обратятся в кучи сыпучего песка.

⁹ Сура 113.

¹⁰ Сура 99.

15. Воистину, Мы послали к вам свидетелем против вас посланника, подобно тому как отправили посланника к Фир'ауну.

16. Но Фир'аун ослушался посланника, и Мы наказали его жестоко.

17. И если вы не уверуете, то как же вы спасетесь в такой день, когда младенцы становятся седыми?

18. В тот день разверзнется небо, исполнится обещание Его¹¹.

Когда Посланник Бога говорил о Судном дне, его щеки горели, его голос гремел, его речь была пламенной.

– Он – пророк, он поистине видит больше, чем мы можем видеть, – сказал кто-то.

Но его дядя Абу Лахаб был в толпе, и он встал и сказал:

– Это для этого ты созвал нас здесь, Мухаммед? Погибни сам! И пропади пропадом твоя религия!

И он убеждал их разойтись по домам, говоря:

– Уходите, Мухаммед сошел с ума.

После того была ниспослана Глава Огня:

1. Да отсохнут руки Абу Лахаба! Да сгинет он сам!

2. Не спасли его ни богатство, ни то, что он обрел.

3. И вскоре войдет он в огонь пылающий.

4. А жена будет таскать дрова [для огня],

5. а на шее у нее – вервь из пальмовых волокон¹².

1. Нун. Клянусь каламом и тем, что пишут.

2. Ты [, Мухаммад,] благодаря милости Господа твоего – не одержимый,

3. и, воистину, награда для тебя [от Аллаха] неисчерпаемая,

4. и, поистине, ты – человек превосходного нрава.

5. Вскоре ты увидишь, и они увидят,

6. кто же из вас одержимый.

7. Воистину, твой Господь лучше знает, кто сошел с Его пути, и Он знает лучше, кто на прямом пути.

8. Не поддавайся же тем, кто отвергает [истину].

9. Они хотели бы, чтобы ты был снисходителен, тогда и они были бы снисходительны.

10. Так не поддавайся же какому-то презренному, раздающему клятвы,

11. злослову и сплетнику,

12. гонителю добра, преступнику, грешнику,

13. жестокому, к тому же самозванцу,

14. если даже у него будет [большое] состояние и [много] сыновей.

15. Когда ему провозглашают Наши аяты, он говорит: «Это – побасенки древних».

16. Мы припечатаем ему на нос клеймо [позора]¹³.

* * *

– Скольким богам вы поклоняетесь? – спросил пророк одного из курейшитов.

– Семи на земле, одному на небесах, – ответил тот.

¹¹ Сура 73.

¹² Сура 111.

¹³ Сура 68.

– Скажи: Бог един, Бог вечен.
Он никогда не порождает,
Он не был порожден,
Он не имел никогда равного Себе.

* * *

1. Некий муж спросил, когда же постигнет неверных
2. неотвратимое наказание
3. от Аллаха, владыки ступеней?
4. Ангелы и Дух (т. е. Джибрил) восходят к Нему в день, равный по времени пятидесяти тысячам лет.
5. Терпи же благоговейно,
6. ведь людям этот [день] представляется отдаленным,
7. а Мы видим, что он близок.
8. В тот день небо уподобится расплавленному металлу,
9. горы будут [мягки], как шерсть,
10. и родич не станет расспрашивать [своего] родича,
11. хотя они и будут видеть [один другого]. Грешник захочет откупиться от наказания своими сыновьями,
12. своей супругой и братом,
13. своим родом, который поддерживал его,
14. и всеми жителями земли, чтобы спастись.
15. Так нет, [они не спасутся], ибо это [наказание] – пламя,
16. сдирающее кожу с головы,
17. зовущее тех, кто отвернулся [от покорности Аллаху] и отвернулся [от истины],
18. кто сколотил [состояние] и берег его.
19. Воистину, человек создан нетерпеливым,
20. беспокойным, когда его постигнет беда,
21. скупым, когда ему достанется добро.
22. Это не относится к тем, которые молятся,
23. совершают обрядовую молитву всякий раз, [когда положено],
24. которые выделяют долю имущества
25. для просителей и обездоленных;
26. [не относится] к тем, которые признают Судный день,
27. которые боятся наказания Господа своего,
28. поскольку неотвратимо наказание Господне,
29. кроме тех, которые блюдут свою добродетель,
30. кроме как по отношению к своим супругам и невольницам, за что им нет порицания.
31. А те, кто переходит за пределы сказанного, – они преступники.
32. Те же, которые сохраняют доверенное им и не нарушают клятв,
33. которые стойки в своих свидетельствах,
34. которые [бережно] блюдают молитвы, —
35. они и будут почитаемы в [райских] садах.
36. Что же случится с теми, которые не уверовали и бегут перед тобой
37. толпами справа и слева?
38. Не жаждет ли каждый из них, чтобы его ввели в сады благодати?
39. Ни в коем случае! Ведь Мы сотворили их из того, что им известно.

40. Нет и нет! Клянусь Господом востоков и западов! Воистину,
Мы в состоянии

41. заменить их лучшими, чем они, и никто не превзойдет Нас
[могуществом]!

42. Предоставь их самим себе, пусть погружаются в словоблудие и забавляются, пока не
настанет их день, который им обещан, —

43. тот день, когда они выйдут из могил в спешке, словно они бегут к идолам [на поклонение],

44. с потупленными взорами, охваченные унижением. Это и есть тот день, который им обещан!¹⁴

9. Аллах – тот, кто гонит ветры, вздымающие тучу. Потом Мы гоним ее в края безжизненные и оживляем землю, после того как она высохла. Таким же образом воскресит Он [людей]¹⁵.

17. Откуда тебе знать, что такое Судный день?

18. И еще раз – откуда тебе знать, что такое Судный день?

19. Это день, когда ни один человек не властен ничем помочь другому, и повеление в тот день принадлежит [только Аллаху]¹⁶.

1. Когда солнце покроется мраком,

2. когда звезды померкнут,

3. когда горы придут в движение,

4. когда верблюдицы, беременные на десятом месяце, останутся без присмотра,

5. когда соберутся [все] дикие звери,

6. когда моря выйдут из берегов,

7. когда души соединятся [с телами],

8. когда зарытую заживо спросят,

9. за какой же грех ее убили,

10. когда развернут свитки [людских деяний],

11. когда небо будет низринуту,

12. когда разгорится адский огонь,

13. когда рай приблизится [к праведникам], —

14. тогда познает каждая душа, что она уготовила себе [деяниями своими].

15. Но нет же! Клянусь светилами,

16. передвигающимися [по небу] и исчезающими [с небосвода],

17. клянусь вечерним [сумраком] густеющим,

18. клянусь зарей брезжущей,

19. что, воистину, это (т. е. Коран) – слова посланца благородного,

20. обладателя силы при Властителе Трона, могущественного,

21. того, кому повинуются ангелы, и достойного доверия.

22. Тот, с кем вы спорите, вовсе не безумец,

23. ибо он видел его (т. е. Джибрила) на ясном небосклоне,

24. и он (т. е. Мухаммад) не скупится сообщить другим [поведанное ему] сокровенное откровение.

¹⁴ Сура 70.

¹⁵ Сура 35.

¹⁶ Сура 82.

25. Это (т. е. Коран) – не речи побиваемого камнями шайтана.
26. Так куда же вы устремляетесь, [отрицая Коран]?
27. Ведь он – только назидание для обитателей миров,
28. для тех из вас, кто хочет стать на прямой путь.
29. Но вы не [сможете] захотеть этого, если того не захочет Аллах, Господь [обитателей] миров¹⁷.

5. Воистину, праведники пьют из чаши [напиток], настоящий на камфаре,
6. из источника, из которого пьют рабы Аллаха и который льется не иссякая.
7. Они верны своим обетам и страшатся дня, бедствия которого простираются [повсюду].
8. Они дают пищу бедным, сиротам и пленникам, хотя и сами нуждаются в ней,
9. [и говорят]: «Мы даем пищу, только чтобы угодить Аллаху, и не хотим от вас ни вознаграждения, ни благодарности.
10. Ведь мы страшимся Господа своего в тот мрачный, гневный день».
11. Аллах избавил их от бедствий того дня и одарил их процветанием и радостью.

12. И за то, что они терпели, Он воздаст им райскими садами и шелковыми одеяниями.
13. Они будут возлежать на ложах, не зная ни зноя, ни мороза.
14. Тень деревьев будет осенять их, а плоды будут склоняться над ними низко.
15. К ним приблизятся [девы] с сосудами из серебра и чашами из хрустала,
16. хрустала серебряного, [блистающего] совершенством.
17. В том саду те [девы] напоят их из чаши [напитком], настоящим на имбире,
18. из райского источника, прозванного Салсабиллом.
19. [Чередой] обходят их вечно юные отроки». Взглянув на них, ты примешь их за жемчуг рассыпанный.
20. Когда же присмотришься, то увидишь блаженство и великую власть [над ангелами].
21. Они облачены в зеленые одеяния из атласа и парчи, на них ожерелья серебряные, и напоил их Господь напитком чистым.
22. Воистину, все это – вознаграждение вам, воздаяние благодарностью за ваше усердие¹⁸.

22. Черноокие, большеглазые девы,
23. подобные сокрытым [в раковине] жемчужинам, —
24. [и все это] – в воздаяние за то, что они вершили [в этом мире].
25. Они не услышат там ни суетных, ни греховных речей,
26. а только слово: «Мир! Мир!»
- <...>
28. Те, что стоят на правой стороне, – кто же они?
- <...>
41. Те, что стоят на левой стороне, – кто же они, стоящие на левой стороне? —
42. будут в огненном вихре и кипятке,
43. под сенью черного дыма,
- не дающего ни прохлады, ни блага¹⁹.

Смотри! Это было сказано на улицах, по которым ходили друзья и родственники Абд аль-Мутталиба, который говорил о рае!

¹⁷ Сура 81.

¹⁸ Сура 76.

¹⁹ Сура 56.

29. Воистину, грешники (т. е. мекканские многобожники) насмехались над теми, кто уверовал.

30. Когда проходили мимо них, то перемигивались, [издеваясь].

31. Когда же возвращались к своим семьям, то злорадствовали [над осмеянными верующими].

32. Когда они видели верующих, то восклицали: «Конечно, они – заблудшие»²⁰.

1. Клянусь звездой во время ее заката!

2. Не заблудился ваш собрат и не обольщен [демонами].

3. И речи он ведет не по прихоти [своей]:

4. они (т. е. речи) – лишь откровение внушенное,

5. властелином силы [Мухаммаду] возвещенное —

6. обладателем мощи. Возник он

7. на высшем небосклоне.

8. [Джибрил] приблизился [к Мухаммаду], потом подошел еще ближе.

9. Он был [от Мухаммада] на расстоянии двух полетов стрелы и даже ближе.

10. Он (т. е. Аллах) внушил в откровении Своему рабу то, что внушил.

11. Сердце его (т. е. Мухаммада) подтвердило то, что он видел [воочию].

12. Неужели вы будете оспаривать то, что он видел?

13. А ведь он (т. е. Мухаммад) видел его (т. е. Джибрила) в другой раз

14. у самого дальнего Лотоса,

15. при котором сад – прибежище [праведных].

16. Когда над Лотосом витали те, кто витает,

17. взор его (т. е. Мухаммада) не отрывался [от происходящего] и не переходил [границы дозволенного].

18. А ведь он увидел величайшее из знамений Господа своего²¹.

Когда откровение нисходило на пророка, он чувствовал сильное беспокойство, лицо его дергалось, и он в изнеможении падал, словно изнуренный бессонницей. Даже в очень холодный день его лоб покрывали крупные капли пота.

– Вдохновение, – сказал Мухаммед однажды, – приходит одним из двух путей: иногда Джабраил²² сообщает откровение мне, как человек человеку, и это легко; но иногда это похоже на звенящий колокол, Оно проникает в самое сердце и разрывает меня на части. Этот путь очень мучителен.

19. Не равны слепой и зрячий,

20. мрак и свет,

21. тень и зной,

22. не равны живые и мертвые. Воистину, Аллах дарует способность слышать тому, кому пожелает, а ты [, Мухаммад,] не можешь заставить слышать тех, кто в могиле,

23. [ибо] ты – только увещеватель.

²⁰ Сура 83.

²¹ Сура 53.

²² Д ж а б р а и л, Джибрил – в исламе один из четырех (наряду с Микаилом, Исафилом и Израилом) ангелов, приближенных к трону Аллаха и несущих Его волю людям через пророков. Соответствует Гавриэлю или Гавриилу в иудаизме и христианстве.

24. Воистину – Мы послали тебя с истиной добрым вестником и увещавателем, и нет ни одного народа, к которому не пришел бы увещатель.

25. Если не признали тебя, то ведь не признавали и тех, что жили до них. К ним приходили посланники с ясными знаменами, с псалмами и просветляющей книгой.

26. Потом Я подверг наказанию тех, которые не уверовали. И каков был Мой гнев!²³

11. Человек молит о зле [для недругов] подобно тому, как он молит о добре [для себя]²⁴.

36. К тем, кто отвращается от упоминания Милосердного, Мы приставим шайтанов, которые станут их закадычными друзьями²⁵.

1. Думал ли ты о том, кто отрицает расплату [Судного дня]?

2. Это ведь тот, кто гонит сироту

3. и не призывает [людей] кормить бедняков.

4. Горе же тем молящимся,

5. которые не читают молитвы истово,

6. которые лицемерят

7. и запрещают подавать милостыню²⁶.

23. Твой Господь предписал вам не поклоняться никому, кроме Него, и выказывать доброе отношение к родителям. Если один из родителей или оба достигнут преклонного возраста, то не говори с ними сердито, не ворчи на них и обращай к ним уважительно.

24. Осеняй их крылом смирения по милосердию и говори: «Господи! Помилуй их, подобно тому как они [миловали] и растили меня ребенком».

25. Ваш Господь лучше всех знает то, что [таится] в ваших душах, если вы вершите добро. И, воистину, Он прощает кающихся.

26. И давай положенное [в качестве благотворительности] родственнику, бедняку и путнику, но не расточай безмерно,

27. ибо расточители – братья шайтанов, а шайтан оплатил своему Господу [черной] неблагодарностью²⁷.

131. Не смотри с завистью на то, чем Мы наделили некоторых из людей, чтобы подвергнуть их испытанию: на блеск земной жизни, ибо удел, даруемый твоим Господом, лучше и долговечнее²⁸.

42. Аллах успокаивает души людей, когда они умирают, а тех, кто не умирает, – [покоит] во время сна. Он не отпускает те души, которым определил смерть, а остальные возвращает [в бодрствование] на определенный срок. Воистину, во всем этом содержатся знамения для тех, кто размышляет²⁹.

Суру из Корана, называемую «Йа Син», благочестиво повторяют во времена бедствий и болезней, во время постов или в момент приближения смерти:

²³ Сура 35.

²⁴ Сура 17.

²⁵ Сура 43.

²⁶ Сура 107.

²⁷ Сура 17.

²⁸ Сура 20.

²⁹ Сура 39.

26. Сказано было [ему]: «Войди [прямо] в рай!» И он воскликнул: «О, если бы мой народ знал,
27. за что меня простил мой Господь, за что причислил меня к почитаемым!»
- <... >
31. Неужели они не знают, сколько поколений Мы погубили до них, так что они более не вернуться?
32. И, поистине, все в конце концов предстанут пред Нами.
33. Знамением для них служит высохшая земля. Мы ее оживили и взрастили на ней злаки, которыми они питаются.
34. Мы взрастили на ней пальмовые рощи и виноградники, и по Нашей воле забили источники,
35. чтобы они вкушали плоды и то, что произведено их руками. Разве нет у них за то благодарности?
36. Слава тому, кто сотворил пары из тех, что растит земля, и из людей, а также из того, чего они и не ведают.
37. Знамением для них служит ночь, которую Мы лишаем дневного света, так что они погружаются во тьму.
38. Солнце плывет к предназначенному для него местопребыванию: таково предписание Великого, Ведающего.
39. Для луны Мы предопределили [разные] состояния, пока она не становится изогнутой, подобно высохшей пальмовой ветви.
40. Солнцу не следует догонять луну, и ночь не опережает день, и каждый из них плывет по небосводу.
41. Знамением им служит то, что Мы спасли их род в переполненном ковчеге.
42. И Мы создали для них подобие ковчеха, на который они и погружаются.
43. А если Нам будет угодно, Мы потопим их так, что они не успеют воззвать о помощи и не спасутся,
44. если только Мы не окажем им милость и не позволим наслаждаться [благами жизни] некоторое время.
45. Когда их призывают: «Бойтесь того, что было до вас, и того, что будет после, – быть может, вас помилуют», – [они не слушают].
46. И когда к ним является хоть какое-нибудь из знамений Господа их, они отворачиваются [от него].
47. Когда тех, кто не уверовал, призывают: «Жертвуйте из того, что Аллах дал вам в надел», – они отвечают тем, кто уверовал: «Неужели мы будем кормить того, кого накормил бы Аллах, если бы Ему было угодно? Поистине, вы – в глубоком заблуждении».
48. Они говорят также: «Когда же случится обещанное [вами], если вы говорите правду?»
49. Им нечего ожидать, кроме гласа трубного, который поразит их, в то время как они препираются.
50. Они не успеют даже оставить завещание или вернуться к своим семьям.
51. И прозвучит труба – и тогда они из могил устремятся к своему Господу.
52. Они воскликнут: «О горе нам! Кто поднял нас с ложа, где [мы] покоились? Ведь это – то, что обещал Милостивый, и посланцы, оказывается, говорили правду».
53. Не успеет прозвучать всего лишь один трубный глас, как они все предстанут пред Нами.
54. В тот день никому не будет причинено ни малейшей несправедливости. И воздается вам только за то, что вы вершили.
55. А обитатели рая в этот день, поистине, будут наслаждаться [своим] состоянием: [ведь]

56. они и их супруги покоятся на ложах в тени [деревьев],
57. предоставлены им там плоды и все, чего пожелают,
58. от имени милосердного Господа [их встречают] словом: «Мир!»

<... >

36. и говорили: «Неужели мы отречемся от своих богов из-за какого-то безумного поэта?»³⁰

41. Это не слова какого-то там поэта. Мало же вы веруете!
42. И не слова кудесника. Мало же вы внимаете наставлению!
43. [Коран] ниспослан Господом миров³¹.

224. За поэтами же следуют сбившиеся с [правого] пути.
225. Разве ты не видишь, что они скитаются по всем долинам
226. и разглагольствуют о том, чего не совершают...³²

5. [Неверные] скажут: «[То, что он говорит], – бессвязные сны. Нет, он сочинил все это. А кроме того, он – поэт! Пусть он явит нам знамения, с которыми были отправлены прежние посланники»³³.

37. Человек [по природе] создан нетерпеливым. Я вам покажу Свои знамения, так не торопите же Меня [с наказанием]³⁴.

5. Ты видишь землю сохшейся. Но стоит Нам ниспослать ей воду, как она набухает, раздается и родит всяческие прекрасные растения.

6. И [все] это происходит потому, что Аллах – Истина, что Он оживляет мертвецов и властен над всем сущим.

<... >

65. Разве ты не знаешь, что Аллах дал вам власть над всем, что есть на земле, а также над кораблями, которые плавают по морю по Его воле? Он удерживает небо от падения на землю, [что может случиться] лишь по Его соизволению. Воистину, Аллах сочувствует людям, милосерден к ним³⁵.

7. [Неверные] говорят: «Что это за посланник? Он принимает пищу и ходит по базарам. Почему не был к нему ниспослан ангел, который увещевал бы вместе с ним?»

8. [Почему Аллах] не ниспослет ему сокровище? Почему у него нет сада, плоды которого он вкушал бы?...»

<... >

20. Мы не посылали до тебя посланников, которые не вкушали бы пищи и не ходили бы по базарам, [как прочие смертные].³⁶

5. И объявляли они ложью истину, когда она являлась к ним. Но дойдут до них вести о [каре за их] глумление⁶.

³⁰ Сура 37.

³¹ Сура 69.

³² Сура 26.

³³ Сура 21.

³⁴ Там же.

³⁵ Сура 22.

³⁶ Сура 25.

15. Те, которые при возвещении им наших ясных аятов надеются на то, что не предстанут перед нами, говорят: «Представь нам Другой Коран или замени его [чем-либо]!» Отвечай: «Не положено мне заменять его по своему усмотрению. Я лишь следую тому, что внушено мне в откровении.

<...>

35. Спроси: «Есть ли среди ваших идолов такой, который вел бы к истине?» Скажи: «Аллах ведет к истине. Тот ли достойнее, кто ведет к истине, чтобы [другие] следовали за ним, или же тот, кто сам не идет верным путем, если только его не поведут? Что это с вами? Как же вы рассуждаете?»

36. Большинство многобожников – в плену своих догадок. Но ведь догадки никак не могут заменить истину. Воистину, Аллах ведаёт о том, что они творят.

37. Не измышлен этот Коран, а ниспослан Аллахом как подтверждение [дарованного] до него и в разъяснение Писания, в коем нет сомнения, [ниспосланного] Господом миров.

38. Или же многобожники станут утверждать: «Измыслил Коран Мухаммад». Ты отвечай: «Сочините хотя бы одну суру, подобную Корану, и призовите [на помощь], кого вы можете, кроме Аллаха, если вы и вправду [так думаете]».

39. Так нет же, они объявляют ложью то, чего не постигают [своим] знанием и толкование чего им недоступно. Точно так же считали ложью [Писание] те, которые жили до них. Что же, погляди, каков был конец нечестивцев³⁷.

6. [Мекканские многобожники] сказали [Мухаммаду]: «О ты, кому ниспослано откровение (т. е. Коран)! Воистину, ты – одержимый.

7. Почему ты не явился к нам в сопровождении ангелов, если ты из тех, кто говорит правду?»

8. [Но] Мы ниспосылаем ангелов только с истиной, и уж тогда никому не будет дано отсрочки.

9. Воистину, Мы ниспослали Коран, и, воистину, Мы оберегаем его³⁸.

21. Вспомни [, Мухаммад,] брата 'адитов, как он предупредил свой народ в Ал-Ахкафе, когда увещевания произносились прежде него и после него, [возвестив]: «Не поклоняйтесь никому, кроме Аллаха! Воистину, я опасюсь, что вас постигнет наказание в великий день».

22. Они спросили: «Неужели ты прибыл, чтобы отвратить нас от наших богов? Так яви же то, чем ты нам угрожаешь, если ты прав».

23. Он сказал: «Знание ведь – только у Аллаха, и я сообщаю вам то, с чем я послан. Но я вижу, что вы – несведущие люди».

24. Когда они узрели его (т. е. наказание) в виде тучи,двигающейся к их долинам, они сказали: «Это – та туча, которая одарит нас дождем». [Но пророк сказал]: «О нет! Это то, что вы торопили, – ураган, который влечет мучительное наказание.

25. Он уничтожает все сущее по велению Господа своего». И от них ничего не осталось, кроме их жилищ. Так караем Мы грешных людей³⁹.

³⁷ Сура 10.

³⁸ Сура 15.

³⁹ Сура 46.

* * *

Дядя Мухаммеда Гамза был самым сильным воином в своем клане, могучим охотником и лучником. Однажды, возвратившись с охоты, он услышал рыдание старухи, вольноотпущенницы Абдаллаха, и остановился, чтобы расспросить ее.

– О Гамза! – воскликнула она. – Я плачу из-за твоего племянника Мухаммеда, которого ранил Абу Джахль.

Тогда Гамза пошел в святилище, разыскал Абу Джахля, ругал его и бил рукоятью лука по голове, пока не хлынула кровь. После чего он вернулся в дом Мухаммеда и сказал:

– Мухаммед, я отмстил за тебя; я украсил голову Абу Джахля кровавой короной.

– Такая месть не нужна мне, – сказал пророк.

– Какой же еще может быть месть? – удивился Гамза.

– Если ты скажешь: «Нет бога, кроме Бога!» – это была бы месть, – отвечал пророк.

И, не сходя с места, Гамза произнес эти слова.

* * *

«Не было у Веры врагов более ожесточенных, чем Абу Джахль и сын Омара Хаттаб», – говорил Посланник Бога.

Однажды Омар, выхватив меч, произнес:

– Я убью этого отщепенца из племени курейш, творца смуты и богохульника.

Но его остановили, сказав:

– Ты думаешь, его родня позволит тебе ходить по земле после убийства Мухаммеда? Не лучше ли тебе возвратиться домой и наставлять своих домашних на путь истинный?

– Кто из них нуждается в этом? – спросил Омар.

– Твой шурина Саид, сын Зайда, твоя сестра Фатима. Они оба обратились в новую веру и стали последователями Мухаммеда, присмотри за ними.

Омар вернулся домой в гневе. А в это время в его доме собрались Саид, Фатима и с ними некий Хабаб, мусульманин, в руках у которого был листок с главой «Та'ха» из Корана; и он читал эту главу вслух. Услышав, что Омар вошел в дом, Хабаб спрятался в шкаф, а Фатима взяла лист и спрятала его под одеждой. Но Омар еще на улице услышал слова проповеди.

– Что вы тут бормочете? – спросил он с порога.

– Ничего, – ответили они.

– Да-а-а! Но я что-то слышал, – сказал Омар, – и мне уже сказали, что вы стали последователями Мухаммеда и его религии. – С этими словами он бросился на шурина, чтобы ударить его, Фатима попыталась помешать ему, и удар достался ей; брызнула кровь.

Тогда они сказали ему:

– Да, мы – мусульмане. Мы верим в Бога и Его Посланника! Делай с нами что хочешь!

Но когда он увидел кровь своей сестры, он пожалел о содеянном.

– Дай мне листок, который вы читали, – сказал он ей, – и позволь мне посмотреть, что там написано.

Омар мог читать и писать.

– Мы не можем доверить тебе священный текст, – ответила его сестра.

– Не бойтесь, – сказал он, – я клянусь своими богами, что, прочитав, отдам его. – Затем, надеясь обратить его, она сказала: – Брат, ты осквернен поклонением идолам – и ни один нечистый не может читать Коран.

Тогда Омар вышел и совершил омовение; после чего она дала ему лист; и он читал главу «Та'ха»:

2. Мы ниспослали тебе Коран не ради того, чтобы причинять тебе страдание,
3. а только в качестве назидания для тех, кто боится [Аллаха].
4. [Он] ниспослан Тем, кто сотворил землю и вышние небеса.
5. [Он] – Милостивый, который утвердился на [небесном] троне.
6. Ему принадлежит то, что на небесах и на земле, и то, что находится и между ними, и под землей.
7. Будешь ли ты говорить громко [или тихо], Он [все равно] знает и тайное, и самое скрытое.
8. Аллах – Он тот, кроме которого нет божества и у которого наилучшие имена.
9. Слышал ли ты рассказ о Мусе?1

И так до конца главы, где написано:

135. Скажи [, Мухаммад]: «Все ожидают [наступления загробной жизни]. Ждите же и вы. И вы скоро узнаете, кто следует по пути истины и кто идет по прямой дороге»⁴⁰.

– Насколько же прекрасны эти слова! – воскликнул Омар, когда дочитал до конца.

Едва Хабаб услышал это, он вышел из укрытия и сказал:

– Омар, я уверен, это Бог послал тебя сюда в ответ на просьбу Посланника, ибо вчера я слышал, как он молился: «Господи! Укрепи ислам обращением Абу Джахля или Омара!»

– Хабаб, – сказал Омар, – отведи меня к Мухаммеду, я желаю произнести Символ веры и стать мусульманином.

А надо заметить, что Омар был человеком, о котором пророк однажды сказал: «Если бы сам Сатана увидел Омара, идущего по дороге, он поднялся бы на холм, чтобы не встретиться с ним лишней раз». И Омар сказал пророку:

– Мы открыто поклонялись Лату и Хубалу – нашим идолам; что же мы должны теперь поклоняться Богу тайно?

Вскоре после этого пророк вошел в Святилище и произнес там стихи Откровения:

98. Воистину, вы и те, кому вы поклоняетесь помимо Аллаха, – всего лишь топливо для ада, в который выыто и войдете.

99. Если те, [кому они поклонялись], были бы богами, то не вошли бы в ад. Но все они пребудут там вечно.

100. Их удел там – [горестное] стенание, а они там [ничего другого] не слышат⁴¹.

9. ... «Неужели вы не веруете в Того, что создал землю в течение двух дней, и равняете с Ним других? Ведь это Он – Господь [обитателей] миров.

10. И Он воздвиг над землей прочные горы, дал ей благословение и поровну распределил на ней пищу для страждущих на четыре дня.

11. Потом Он обратился к небу, которое было [лишь] дымом, и сказал ему и земле: «Предстаньте [предо Мной], хотите вы того или нет». Они ответили: «Мы предстанем по доброй воле».

⁴⁰ Сура 20.

⁴¹ Сура 21.

12. Он завершил это, сотворив семь небес за два дня, и каждому небу внушил в откровении его обязанности. Мы украсили нижнее небо светильниками для охранения. Так предопределил Великий, Ведающий»⁴².

17. Разве тот, кто творит, равен тому, кто не творит? Неужели же вы не образумитесь?⁴³

73. О люди! Вот вам притча, послушайте ее. Воистину, те, кому вы поклоняетесь, минуя Аллаха, не сотворят и мухи, если даже будут стараться изо всех сил. Если же муха похитит у них что-нибудь, они не смогут отобрать у нее. Слаб и тот, кто просит, и тот, у кого просят!⁴⁴

Но люди обратились против Мухаммеда, изгнали его из святилища и пошли толпой к Абу Талибу.

– Мы больше не желаем слушать его! – возмущенно кричали они.

Абу Талиб послал за Мухаммедом и сказал ему:

– Народ справедлив к тебе, а ты не прав. Люди позволили тебе проповедовать свою веру в святилище, но ты не ограничился этим – ты оскорблял их богов!

– Я не оставлю свое Дело, – ответил Мухаммед, – или Бог поможет мне победить, или я погибну. Нет! Если даже они повесят солнце мне на правую руку и луну на левую.

Он заплакал и поднялся, чтобы уйти. Но Абу Талиб остановил его:

– Сын моего брата, стой! – Он положил голову Мухаммеда себе на грудь и сказал: – Сын мой, иди и говори, как считаешь должным, поскольку, клянусь, я никогда не оставлю тебя.

И Мухаммед проповедовал и читал Коран, но не нашел он в то время ни ответа, ни веры в душах людей.

Во время паломничества арабов к святыням и на ярмарку в Мекку Мухаммед взошел на гору Арафат и призывал арабов к Богу. Тогда некоторые из бедуинов стали правоверными. Но неверующие курейшиты подходили к ним везде, где они собирались, с насмешками и оскорблениями, чтобы рассеять их. Глазами очевидца тех событий мы видим пророка, проповедующего Единого Бога: это бледный человек с длинными черными волосами, в красном плаще; а рядом с ним Абу Джахль, кидающий в него грязью и призывающий арабов хранить верность богам своих предков.

Правоверные больше не ходили в святилище. Они тайно молились дома или поднимались на гору... Однажды Саад, сын Абу Ваккаса, пошел на гору Хира, чтобы помолиться с правоверными. Один курейшит наблюдал за ним. Когда Саад склонился в поклоне и лоб его достиг земли, тот человек швырнул ему камень в бок. Саад был терпелив. Но когда он склонился снова, курейшит взял другой камень и нанес ему более ощутимый удар. Тогда, завершив молитву, Саад схватил лежащую рядом кость от скелета верблюда и сильно ударил неверующего в голову. Весь в крови, человек побежал в сторону Мекки.

– Сначала мы не знали, какими словами нам следует молиться, – рассказывал один правоверный, – мы имели обыкновение почитать Бога, Джабраила и Микаила. Но вскоре пророк Бога научил нас правильным словам.

⁴² Сура 41.

⁴³ Сура 16.

⁴⁴ Сура 22.

Молитва

Мусульманин молится следующим образом.

◆ Сначала он совершает омовение: моет ладони до запястий; потом ополаскивает рот; затем очищает ноздри водой; моет лицо; моет руки до локтей, сначала правую, затем левую; вытирает голову влажными руками; после чего моет ноги до лодыжек, сначала правую, затем левую.

◆ Окончив омовение, мусульманин, стоящий с руками поднятыми на уровень головы, произносит:

– Господь Велик.

◆ После этого, с руками сложенными на груди, произносит:

– От сердца обращаюсь к Тому, Кто сотворил небо и землю, и я не нахожу ничего, что сравнится с Ним. Ему – моя жертва, моя жизнь, моя смерть – все для Бога, Повелителя обоих миров. Который не имеет равных в Своей Божественности. Это велено мне, и я из тех, кто подчиняется. О Бог! Ты Царь; и нет иного бога. Ты мой Бог; я – Твой раб. Я шел против своей души; я признаюсь в своих грехах. Защити меня от моих грехов. Никто не спасет меня от грехов, кроме Тебя. Веди меня лучшим из путей; никто не ведет к добру, кроме Тебя. И отвори пути зла от меня; никто не может отвернуть пути зла от меня, кроме Тебя.

1. Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
2. Хвала Аллаху – Господу [обитателей] миров,
3. милостивому, милосердному,
4. властителю дня Суда!
5. Тебе мы поклоняемся и к Тебе взываем о помощи:
6. веди нас прямым путем,
7. путем тех, которых Ты облагодетельствовал, не тех, что [подпали под Твой] гнев, и не [путем] заблудших⁴⁵.

Аминь.

◆ После этого читаются главы Корана; и на словах «Бог Велик» склоняют голову, кладя руки на колени. Склонившись таким образом, молящийся произносит трижды: «*Слава моему Великому Богу!*» — и снова, встав на ноги: «*Бог приемлет тех, кто восхваляет Его. Хвала Тебе, о наш Господь!*»

◆ Затем, склонившись так, чтобы лоб коснулся земли, молящийся говорит (по крайней мере три раза) слова: «*Слава моему Богу, Высочайшему!*» – и, поднимаясь, остается в почти-тельной позе с руками на коленях. Второе падение ниц заканчивает молитву первого поклона.

◆ Молящийся поднимается и, выполнив второй поклон (так же как и первый), остается на коленях и произносит:

– Хвала и молитва и благодеяния – все для Бога. Мир Тебе, о пророк, и милосердие Бога и Его благословения. Мир с нами и всеми праведными слугами Бога. Свидетельствую, что нет бога, кроме Бога; и свидетельствую, что Мухаммед – слуга Его и Его пророк. О наш Бог! Дай благополучие Мухаммеду и людям Мухаммеда, как Ты дал Аврааму и его людям, Ты, Кто должен быть восхваляем и возвеличен. О наш Бог! Благослови Мухаммеда и людей Мухаммеда, как Ты благословил Авраама и его людей. Ты, Кто должен быть восхваляем и

⁴⁵ Сура 1.

возвеличен. Сделай меня прилежным в молитве, Господи, и мое потомство. И прими молитву. И, Боже, сохрани меня, и моего отца, и мою мать, и всех правоверных в День Суда.

◆ Молитва заканчивается таким образом. Поворачивая голову направо, правоверный произносит:

– Мир с тобой и Милость Господня. – И, поворачивая голову налево, он снова говорит: – Мир с тобой и Милость Господня.

Наконец правоверный поднимается. Молитва закончена.

* * *

И снизошло откровение:

114. Совершай обрядовую молитву в начале и конце дня, в начале и конце ночи. Воистину, добрые деяния устраняют деяния дурные...⁴⁶

19. Соразмеряй же свою поступь и умеряй голос, ибо самый неприятный звук – это рев осла⁴⁷.

24. Разве ты не знаешь, что Аллах в качестве притчи приводит прекрасное слово, подобное прекрасному дереву, корни которого прочны, а ветви [тянутся] к небесам?

25. Оно плодоносит непрестанно с соизволения Господа своего...⁴⁸

66. Воистину, в домашней скотине для вас назидание: Мы даем вам в качестве питья то, что [образуется] в ее желудках между пометом и кровью, – чистое молоко, вкусное для тех, кто пьет.

67. От плодов пальм и виноградных лоз вы получаете хмельной напиток и добрый удел. Воистину, во всем этом – знамение для тех, кто способен размышлять⁴⁹.

34. и даровал вам все, о чем вы просили. Если бы вы попытались счесть милости Аллаха, то вам бы их не пересчитать. Воистину, человек – притеснитель, неблагодарный⁵⁰.

96. Он разверзает [мрак] утром, ниспосылает успокоение ночью, обращает солнце и луну в средство исчисления [дней и месяцев]. Таково установление Великого, Всеведущего.

97. Он – тот, который сотворил для вас звезды, чтобы вы находили по ним путь во мраке суши и моря...⁵¹

70. Аллах вас сотворил, потом Он вас упокоит. Среди вас есть и такие, которых Он отвергает в наихудшее состояние, так что [человек] забывает все то, что знал. Воистину, Аллах – знающий, могущественный⁵².

⁴⁶ Сура 11.

⁴⁷ Сура 31.

⁴⁸ Сура 14.

⁴⁹ Сура 16.

⁵⁰ Сура 14.

⁵¹ Сура 6.

⁵² Сура 16.

103. Ни один взор не постигает Его, а Он постигает [все, что постигают] взоры. Он – пронзительный, сведущий [обо всем сущем]⁵³.

15. Те, кто на небесах и на земле, а также тени их склоняются пред Аллахом по утрам и вечерам, желая или не желая того⁵⁴.

6. Нет на земле ни единого живого существа, которого Аллах не обеспечил бы пропитанием. Аллах знает также их [земное] местопребывание и [конечное] пристанище. И все это [записано] в ясном Писании⁵⁵.

11. Мы сотворили вас [сначала], потом придали вам облик. Потом Мы велели ангелам: «Поклонитесь Адаму!» [Все] поклонились, кроме Иблиса, который не был в числе поклонившихся.

12. Спросил [Аллах]: «Что мешает тебе поклониться, раз Я повелел тебе?» [Иблис] ответил: «Я – лучше его: Ты сотворил меня из огня, а его – из глины».

13. [Аллах] сказал: «Низвергнись отсюда! Негоже тебе кичиться в раю. Изыди, ибо ты – из числа презренных».

14. Иблис взмолился: «Дай мне отсрочку до того дня, когда будет воскрешен [род Адама]».

15. [Аллах] сказал: «Воистину, ты в числе тех, кто получил отсрочку».

16. [Иблис] возразил: «За то, что Ты отвратил меня [от пути истины], я буду мешать им [следовать] по Твоему прямому пути».

17. Я непременно буду являться к ним спереди, сзади, справа и слева, и Ты убедишься, что большинство из них неблагодарны [Тебе]».

18. [Аллах] сказал: «Изыди из рая униженным, обесславленным!»

А теми, кто последует за тобой, Я заполню до отказа геенну огненную.

19. Ты же, Адам, поселись вместе со своей супругой в раю, ешьте то, что пожелаете, но не приближайтесь вот к этому дереву, не то станете грешниками».

20. И стал шайтан нашептывать им, чтобы открыть им глаза на их срамные части, на которые они [до того] не обращали внимания. И он сказал им: «Ваш Господь запретил вам [плоды] этого дерева лишь с той целью, чтобы вы не стали ангелами или не обрели бы вечной жизни».

21. И он поклялся им: «Воистину, я для вас – добрый советчик».

22. [Таким образом] он оболстил их и низвел [из рая на землю]. Когда же они вкусили [плоды] того дерева, перед ними [воочию] предстали их срамные части, и они стали склеивать листья райских деревьев, чтобы прикрыть наготу]. Тогда Господь воззвал к ним: «Разве не запрещал Я вам [есть плоды] этого дерева и не говорил вам, что шайтан – ваш явный враг?»

23. Они ответили: «Господи наш! Мы наказали сами себя, и, если Ты не простишь нас и не смилостивишься над нами, мы обязательно окажемся в числе потерпевших урон».

24. Он возвестил: «Спуститесь [из рая на землю, и ваши потомки будут] врагами друг другу. На земле [теперь] вам пребывать и пользоваться благами временными».

25. [Еще] Он сказал: «На земле вы будете жить, на ней будете умирать и из нее восстанете [в День воскресения]⁵⁶».

⁵³ Сура 6.

⁵⁴ Сура 13.

⁵⁵ Сура 11.

⁵⁶ Сура 7.

«Молись своему Господу, Мухаммед, – сказали люди из Мекки, – чтобы Он отодвинул горы, окружающие нас, и расширил наши земли и проложил в них пути для рек, как в Сирии и Ираке; или чтобы Он воскресил из мертвых наших умерших отцов; а лучше всего – чтобы Он послал старого Кусая, сына Килаба, который никогда не лгал, чтобы мы могли спросить у него, правда ли все то, что ты нам говоришь. Если они объявят, что ты говоришь правду, то мы поверим тебе».

158. Неужели они ожидают, что к ним явятся ангелы или явится [веление] твоего Господа [о наказании] или какое-либо из знамений твоего Господа? В тот день, когда явится [такое] знамение твоего Господа, никому не принесет пользы [то, что он] уверует [в этот самый день], если он не уверовал прежде и не совершил добрых деяний в соответствии с верой⁵⁷.

7. Но какой бы пророк ни приходил к ним, они подвергали его осмеянию⁵⁸.

59. Задолго до вас Мы послали Нуха к его народу, и он сказал:

«О мой народ! Поклоняйтесь Аллаху, нет у вас другого Бога, помимо Него. Воистину, я опасаюсь, что вас накажут в великий (т. е. Судный) день».

60. Мужичего народа заявили: «Воистину, мы видим, что ты находишься в явном заблуждении».

61. [Ибрахим] сказал: «О мой народ! Не заблуждаюсь я. Напротив, я – посланник Господа миров.

62. Я доставляю к вам послания Господа моего и даю вам добрый совет. Я знаю [благодаря откровению] то, чего не знаете вы.

63. Неужели вы удивляетесь тому, что наставление от вашего Господа передано человеку из вас, дабы он увещевал вас и чтобы вы стали богобоязненными? И тогда, быть может, вы будете помилованы».

64. Однако они сочли его лжецом, а Мы спасли его и тех, кто был с ним в ковчеге, и потопили тех, кто опровергал Наши знамения. Воистину, они были слепцами⁵⁹.

43. [Нух] сказал: «Сегодня никто не спасет [никого] от предопределения Аллаха, за исключением тех, над кем Он смилостивится». И при этих словах разъединила их волна, и сын утонул.

44. И сказано было [Аллахом]: «О земля! Впитай твою воду. О небо! Перестань [проливать дождь]». И тогда вода спала, свершилось веление [Аллаха], а [ковчег] пристал к [горе] АллДжуди, и было сказано: «Да лишатся несправедные люди [милости Аллаха]!»⁶⁰

123. Так же [как и в Мекке], Мы и в [других] городах обратили в грешников властей предержавших ради того, чтобы они осуществляли там свои коварные замыслы. Но повернулось их коварство против них самих, а они и не ведают [об этом]!⁶¹

* * *

Курайшиты не осмеливались трогать пророка, находящегося под покровительством Абу Талиба, но они хватали бедных, беззащитных правоверных и избивали их. В отношении к

⁵⁷ Сура 6.

⁵⁸ Сура 43.

⁵⁹ Сура 7.

⁶⁰ Сура 11.

⁶¹ Сура 6.

знати они, не решаясь на насилие, ограничивались оскорблениями и насмешками: при встрече с мусульманами они называли их лжецами и плевали им в лицо.

Наконец некоторые правоверные пришли к пророку и сказали:

– Мы не можем более терпеть такое обращение, мы боимся совершить поступок, недостойный мусульманина, и оскорбить Бога словом или делом. Позволь нам уйти в другую землю.

Пророк отпустил их.

– Идите в Абиссинию, – сказал он, – там живут христиане, люди, почитающие Библию, они ближе к нам по вере, чем идолопоклонники.

Они ушли, но Мухаммед, Абу Бакр, Омар, Али и другие остались в Мекке. Это массовое бегство назвали Первым Исходом; другое переселение в Медину, после того как умер Абу Талиб, называют Великим Исходом пророка (хиджра), и в нем приняли участие все правоверные. Тех, кто ушел в первый раз, было семьдесят человек, среди них Джафар, сын Абу Талиба. Многие уходили с семьями. Когда курейшиты услышали об этом, они послали послов к абиссинскому правителю негусу, с просьбой вернуть переселенцев назад в Мекку. Негус велел привести беженцев к нему.

– Что мы скажем ему, когда предстанем перед ним? – спрашивали мусульмане друг друга.

– Мы скажем то, что мы знаем, – да поможет нам Бог! – и то, чему наш Посланник учил нас, и будь что будет!

Негус созвал на аудиенцию своих епископов, и епископы разложили вокруг него священные книги.

– Что это за религия, – спросил он правоверных, – ради которой вы оставили свой собственный народ, не приняв ни мою религию, ни веру какой-либо другой церкви?

Джафар, сын Абу Талиба, отвечал:

– О царь! Мы были варварами, поклонялись идолам, ели падаль, предавались разврату, разрывали узы родства, обижали соседей, сильные среди нас пожирали слабых; и так продолжалось, пока Бог не послал нам Своего пророка, человека праведного, происхождение которого всем нам известно. Бог послал его, чтобы призвать нас к Себе, чтобы мы провозглашали Его Единственность и поклонялись Ему и убрали прочь камни и идолов, которым мы и наши отцы молились раньше. И наш пророк учил нас быть достойными доверия, уважать родственные связи, быть хорошими соседями, воздерживаться от запретной пищи и от крови. Он запретил нам разврат и обман, наше расхищение имущества сирот и нашу клевету на непорочных женщин. Он учил нас поклоняться только Богу, и никому, кроме Него, молиться, поститься и делать пожертвования. Так что мы поверили в него и приняли Откровение, которое он принес от Бога; и мы бросили запретное и наслаждаемся разрешенным. Именно из-за этого наш народ возненавидел нас, преследовал нас и пытался лишить нас нашей веры. Поэтому мы пришли сюда, предпочтя тебя всем другим, надеясь на твое покровительство и защиту. И теперь, о царь, мы молим тебя о милосердии.

– Есть ли у вас какие-либо Священные Писания, которые ваш пророк получил от Бога? – спросил негус.

– Да! – отвечал Джафар.

– Читай, – приказал негус.

И Джафар прочитал Главу Марйам:

2. [Эта сура] – сообщение о милости Господа твоего рабу Его Закарии,

<...>

19. [Джибрил] ответил: «Воистину, я – только посланник Господа твоего и пришел даровать тебе пречистого мальчика».

20. [Марйам] воскликнула: «Как может у меня родиться мальчик, если меня не касался мужчина и не была я блудницей?»

21. [Джибрил] сказал: «Так оно и будет. Твой Господь изрек: «Это для Меня не представляет труда. [И это ради того,] чтобы [твой сын] был для людей знамением и милостью от Нас». Это было уже решенное дело.

22. [Марйам] забеременела им (т. е. 'Исой) и удалилась с ним подальше [от людей].

23. Она подошла к стволу пальмы и, не в силах терпеть родовые схватки, воскликнула: «Как бы я хотела умереть раньше и быть навсегда забытой!»

24. Тогда [Иса] воззвал из лона: «Не тревожься, твой Господь заставил течь возле тебя ручей.

25. Так [пригни] к себе ствол пальмы и потряси его – на тебя посыплются свежие финики.

26. Ешь, пей и радуй взор свой. Если же увидишь какого-нибудь человека, то скажи: «Воистину, я дала Милостивому обет поститься и не стану сегодня ни с кем говорить».

27. [Марйам] пришла к своим родным, неся [новорожденного]. Они сказали: «О Марйам! Ты совершила беспримерную оплошность.

28. О сестра Харуна! За твоим отцом не водилось дурных склонностей, да и мать твоя не была женщиной распутной...»

29. Она показала на младенца, и они спросили: «Как мы можем разговаривать с дитятей в колыбели?»

30. [Иса] сказал: «Воистину, я – раб Аллаха. Он даровал мне Писание и послал пророком.

31. И где бы я ни был, Он сделал меня благословенным [для людей], вменил мне в обязанность молитву и искупительную милостыню, пока я буду жив;

32. сделал меня почтительным к матери моей, и Он не создал меня не внемлющим [Господу своему], лишенным [Его] благословения.

33. И будет мне покой и в день, когда я родился, и в день смерти, и в [Судный] день, когда буду воскрешен к жизни».

34. Вот каков есть по истинному слову 'Иса, сын Марйам, о котором так [много] спорят⁶².

Слушая, как Джафар читает Коран, негус плакал, так что борода его пропиталась слезами; и его епископы плакали, и слезы падали на их книги.

– Поистине! – сказал негус. – Это и то, что Моисей принес, происходит от одного Источника. Идите с миром, я не позволю им трогать вас и даже подумать об этом.

Тогда от каждого племени и рода в Мекке были выбраны по два представителя; и они, собравшись в святилище, составили соглашение о запрете разговаривать, вступать в брак и торговать с последователями Мухаммеда. Это предписание они удостоверили, призвав всех граждан Мекки быть свидетелями.

Через семь лет после Призыва умерла Хадиджа, жена Мухаммеда. В тот же год умер и его дядя Абу Талиб. Али, сын Абу Талиба, пришел к пророку.

– Посланник Бога, твой дядя умер, и он умер в неверии, – сказал он.

Мухаммед плакал.

– О Али! Иди омой и похорони его, – отвечал он.

Но тот не сказал ни слова молитвы за него и не пришел ни на соборование, ни на похороны.

Однажды пророк вошел в святилище, чтобы помолиться. Когда он склонился в поклоне до земли, один из идолопоклонников взял комок грязи и бросил ему в голову. Мухаммед носил

⁶² Сура 19.

длинные, до плеч, волосы, и волосы и лицо покрылись грязью так, что его нельзя было узнать. Он пошел домой; и одна из его дочерей, плача, вытерла ему голову.

– Они никогда не посмели бы так поступить, если бы Абу Талиб был жив, – сказал Мухаммед.

И он ушел из Мекки искать убежища в Таиф, находящийся в трех днях пути. Впоследствии человек из Таифа вспоминал, как Мухаммед, стоя на возвышенности и опершись на посох, как прорицатель, читал людям Таифа главу «Идущий ночью»:

1. Клянусь небом и [звездой], движущейся ночью!
2. И откуда тебе знать, что такое движущаяся ночью?
3. [Это] – сияющая звезда.
4. (Клянусь, что) нет человека, при котором не было бы ангела.
5. Пусть подумает человек о том, из чего он создан!
6. Он создан из излившейся влаги,
7. которая вытекает из чресел [мужчины] и тазовых костей [женщины].
8. Воистину, Он в состоянии возродить его (т. е. человека) [после смерти]
9. в тот день, когда будут подвергнуты испытанию сокровенные [мысли],
10. когда нет у него ни мощи, ни помощника.
11. Клянусь небом, которое изливает дожди!
12. Клянусь землей, которую пронизывают [растения]!
13. Что это – слово, различающее [истину от лжи],
14. что это – не суесловие.
15. Они замышляют козни, —
16. но ведь и Я замыслю козни [в отместку].
17. Дай же [, Мухаммад,] неверным отсрочку недолгую!⁶³

– Если ты пророк Божий, – сказал один из шейхов Таифа, – зачем же ты ищешь защиты у нас?

– Почему Бог не избрал одного из шейхов Мекки, чтобы быть Его пророком? – спросил другой.

И они сказали страже:

– Выгоните этого сумасшедшего курейшита вон из города!

И, обессиленный так, что почти не было возможно идти, подгоняемый камнями, он вынужден был покинуть город. Солнце пекло невыносимо. Проходя мимо виноградника, принадлежащего двум его родственникам, Мухаммед вошел в его пределы и сел на краю водоема. Хозяева увидели, что он сидит у воды, покрытый пылью.

– Ты видишь человека, – сказал один из них находящемуся с ним рабу, – возможно, он колдун и одержим джиннами, но все же он наш родственник – пойдди дай ему винограда.

Пророк поел и пошел дальше. Когда он подошел к Мекке, то остановился в миле от города и провел ту ночью в молитве и чтении Корана.

1. Клянусь светлым утром,
2. клянусь ночью и мраком ее,
3. что твой Господь не покинул тебя и не питает [к тебе] ненависти.
4. Ведь будущий мир [, о Мухаммад,] для тебя лучше, чем этот мир.
5. Ведь вскоре твой Господь одарит тебя, и ты будешь доволен.
6. Разве не Он нашел тебя сиротой и дал тебе прибежище?

⁶³ Сура 86.

7. Он нашел тебя заблудшим и наставил на прямой путь.
8. Он нашел тебя нуждающимся и избавил от нужды.
9. Так не обижай же сироту,
10. и не гони просящего подаяния,
11. и благодари Господа твоего за милости⁶⁴.

Как говорят, Мухаммед услышал там разговор духов (которые были духами стихий):

1. Скажи [, Мухаммад]: «Дано мне в откровении, что сборище джиннов подслушивало [чтение Корана] и они сказали: «Воистину, мы слышали дивный Коран,
2. который наставляет на прямой путь. Мы уверовали в него, и мы не будем поклоняться никому, кроме Господа нашего.
3. Величие нашего Господа превыше [всего], и Он не соизволил взять Себе ни супруги, ни дитяти.
4. Глупец из нас говорил чрезмерное об Аллахе.
5. Мы же полагали, что ни люди, ни джинны не станут возводить на Аллаха навет.
6. Некие мужи из числа людей искали покровительства у некоторых мужей из джиннов, но те только ввели их в большее смятение.
7. Они думали так же, как и вы, что Аллах никогда не воскресит никого [из людей].
8. Мы стремились подняться на небо, но оно было заполнено могучими стражами и светочами.
9. Мы прежде сидели в засаде на небе, чтобы подслушивать. Но того, кто подслушивает в наше время, подстерегает падающая звезда.
10. Мы не знаем, [поражают ли падающие звезды] тех, кто на земле, в виде наказания, или же их Господь захотел наставить их этим на прямой путь.
11. Среди нас есть и праведные и неправедные; и мы следовали разными путями.
12. Мы знали, что мы не умалили силы Аллаха на земле и не спасемся от Него бегством.
13. Когда же мы услышали [призыв] к прямому пути (т. е. Корану), то уверовали в него. А тому, кто верует в Господа своего, нечего бояться ни ущерба [себе], ни притеснения⁶⁵.

* * *

Когда пришло время паломничества, Мухаммед проповедовал людям из племен кинда, калб и ханифа.

«В тот год, – рассказывал впоследствии человек из племени кинда, – когда я был ребенком, мой отец, совершая паломничество в Мекку, взял меня с собой. Когда мы остановились на ярмарке в Мине, я увидел человека с длинными волосами и прекрасным лицом, который величественно стоял перед нами, произнося вдохновенную речь. Чувствовалось, что слова ее проникают в сердца слушающих. Он призывал нас к Богу, требуя отринуть наших идолов. А позади него стоял длиннобородый, черноволосый и косоглазый человек в плаще, какие обычно надевают жители Адена, и кричал:

– Держитесь подальше от этого человека! Он одержим джиннами! Он – лжец! Не слушайте его! Будьте верны вашей религии!

– Кто эти люди? – спросил я своего отца.

⁶⁴ Сура 93.

⁶⁵ Сура 72.

– Один из них курейшит, пророк Мухаммед, сын Абдаллаха, сына Абд аль-Мутталиба, – сказал мне отец. – Он обращает арабов в свою собственную веру.

– А тот, другой человек? – спросил я тогда.

– Это его дядя, Абу Лахаб, – ответил мой отец, – он говорит арабам, что Мухаммед обманщик.

16. а в будущем [мире] его ждет ад и его будут поить напитком из крови и гноя.

17. Наполнит он им рот, но проглотить не сможет, и подступит к нему смерть со всех сторон, но не заберет его, ибо его ждет суровое наказание⁶⁶.

На это паломничество приехали шесть человек из племени хазрадж из Медины, города той страны, где проживают два племени – аус и хазрадж. Деревни вокруг них населены евреями. Много раз племена аус и хазрадж пробовали захватить эти деревни, но неудачно – евреи укрепили их башнями. Эти евреи, начитанные в Пятикнижии, знали, что придет пророк; но они верили, что он придет из колена Израилева, из рода Моисеева.

Пророк посетил шесть человек из Медины, и призвал их в ислам, и прочитал им отрывок из Корана:

73. Его слово – истина. В Его власти [будут все] в тот день, когда прозвучит трубный глас. Он знает и сокровенное и явное, Он – мудрый и ведающий.

74. [Вспомни, Мухаммад,] как Ибрахим сказал своему отцу Азару: «Неужели ты поклоняешься идолам как богам? Воистину, я вижу, что ты и твой народ находитесь в явном заблуждении».

75. Так Мы показали Ибрахиму [Свою] власть над небесами и над землей, чтобы он убедился [в этом].

76. И когда опустилась над ним ночь, он увидел звезду и сказал: «Это – мой Господь». А когда она закатилась, он сказал: «Я не люблю то, что закатывается».

77. Когда он увидел восходящую луну, то воскликнул: «Это – мой Господь!» Когда же она закатилась, он сказал: «Если Господь мой не наставит меня на прямой путь, то окажусь я среди заблудших».

78. Когда же он увидел восходящее солнце, то воскликнул: «Вот мой Господь! Он больше, [чем звезды и луна]». Когда же солнце зашло, он сказал: «О народ мой! Воистину, я непричастен к тому, чему вы поклоняетесь наряду с Аллахом».

79. Да, действительно! Истинно уверовав, обратился я лицом к Тому, кто сотворил небеса и землю. И не принадлежу я к многобожникам!»

<... >

84. Мы даровали народу Исхака, Йа'куба; обоих Мы вели прямым путем, а Нуха Мы вели прямым путем задолго до Ибрахима. А из потомства Ибрахима [вели прямым путем] Давуда, Сулаймана, Аййуба, Йусуфа, Мусу и Харуна. Так воздаем Мы творящим добро.

85. [Мы вели прямым путем] Закарию, Йахйу, 'Ису и Илйаса, все они – праведники,

86. а также Исма'ила, ал-Йаса'а, Йунуса, Лута. И всех их Мы превознесли над обитателями миров.

87. А также некоторых из отцов их, потомков и братьев Мы избрали и наставили на прямой путь.

<... >

161. Скажи: «Воистину, мой Господь вывел меня на прямой путь посредством истинной религии, веры Ибрахима-ханифа. А он не был многобожником»⁶⁷.

⁶⁶ Сура 14.

⁶⁷ Сура 6.

77. Когда Наши посланцы пришли к Луту, он огорчился из-за них, силы покинули его [от страха], и он сказал: «Вот и настал тяжкий день».

78. К Луту прибежали люди его племени, которые уже давно творили непотребные дела. Лут сказал: «О мой народ! Берите моих дочерей: они для вас чище [, чем мужчины]. Бойтесь же Аллаха и не позорьте меня перед моими гостями. Неужели среди вас нет благоразумного мужа?»

79. Они сказали: «Нам вовсе не надобны твои дочери. И ты прекрасно знаешь, чего мы хотим».

80. [Лут] сказал: «О, если бы у меня была сила против вас! Или же у меня была бы [для спасения] от вас мощная опора!»

81. [Посланцы] сказали: «О Лут! Мы – посланцы Господа твоего, а они не смогут навредить тебе. Покинь [эти места] среди ночи вместе со всем семейством, и пусть никто из вас не оглядывается, кроме твоей жены. Воистину, ее поразит то, что поразит остальных людей. Срок же, определенный им, [наступит] утром. А ведь утро так близко!»

82. Когда же настало время, предопределенное Нами, Мы перевернули вверх дном их селения и обрушили на них ливнем комья затвердевшей глины,

83. меченные по воле Господа твоего. И такой [карающий ливень] в скором времени постигнет и [мекканских] нечестивцев.

<... >

102. Таким было наказание Господа твоего, когда Он наказал города, [жители] которых неправедны. Воистину, кара Его мучительна, сурова!

103. Воистину, в этом – знамение для тех, кто страшится наказания в будущей жизни. Это – тот день, в который будут собраны [все] люди, это – тот день, который увидят [и ангелы и люди]⁶⁸.

50... «Я не утверждаю, что при мне сокровищницы Аллаха, и я не знаю сокровенного. Я не говорю вам, что я – ангел...»⁶⁹

И люди из Медины уверовали, совершили обряд предания Богу и стали мусульманами. Тогда Мухаммед спросил их, могут ли они дать ему убежище. «Посланник Бога, – ответили они, – позволь нам вернуться в Медину и переговорить с нашим кланом о тебе и твоей религии, а в следующем году, Бог даст, ты сможешь поехать с нами. Это будет более почетным для тебя».

Они ушли, а пророк остался. В Медине они рассказали членам племен аус и хазрадж о религии ислама, повторили то, что они узнали из Корана.

– Этот Мухаммед, – сказали они, – тот самый пророк, о котором постоянно говорят евреи, и лучше нам опередить их и привести его сюда к нам.

Вера, Коран и слова пророка пришлись по душе горожанам; и многие обратились немедленно. Во время паломничества в следующем году они собрались вместе и выбрали в качестве посланников тех же шестерых первых паломников, присоединив к ним еще шесть человек. Им было наказано: «Идите, присягните на верность Мухаммеду и приведите Его с собой; мы – Его люди, наши души, тела наши и наше имущество, все принадлежит Ему».

Когда двенадцать посланников достигли Мекки, они разбили палатки на холме Акабы, около Мины. Мухаммед, придя к ним, взял с них клятву: «Поклоняться одному Богу, быть кроткими, не умерщвлять новорожденных дочерей, не лгать, повиноваться пророку Бога и защищать его как самих себя». Мухаммед послал с ними в Медину Мусаба – мусульманина, который хорошо знал Коран и обряды ислама. В Медине Мусаб поселился в доме некоего

⁶⁸ Сура 11.

⁶⁹ Сура 3.

Асада, который ежедневно приводил его в какой-либо сад, где тот проповедовал и обращал людей в новую веру.

Самый великолепный сад Медины принадлежал роду Абд аль-Ашхал, главой которого был Саад, сын Муада. Этот Саад однажды, заметив большое скопление людей в своих владениях, взял копье в руку и, войдя, увидел Асада, сидящего рядом с Мусабом в середине широкого круга людей. При виде Саада все встали.

– Убирайтесь отсюда побыстрее, если не хотите, чтобы смерть настигла вас обоих, – сказал Саад, обращаясь к Асаду и Мусабу.

– Мы уйдем, – ответил Асад, – но почему бы тебе не послушать его немного? Это не повредит тебе.

– Хорошо, говори! – сказал Саад.

Тогда Мусаб поведал главу «Разве не раскрыли Мы»⁷⁰.

– Повтори! – воскликнул Саад, сев.

Мусаб рассказал второй раз; и тогда Саад уверовал. Он встал и приказал слугам созвать всех членов своей семьи. Когда все собрались, он обратился к ним со словами:

– Кто я, по вашему мнению?

– Знатный член нашего рода, – ответили они, – мудрый и достойный человек, наш шейх.

– Послушайте тогда, – сказал Саад, – я решил стать последователем этой религии, и я никогда не сделал бы этого, если бы это была не истинная религия. И с любым, кто не примет эту религию, я не желаю больше иметь никакого дела.

И в тот самый день все в роду Абд аль-Ашхал стали правоверными. Скоро не было ни одной семьи в Медине, где не было бы правоверных, за исключением племени аус – они уверовали только после прибытия пророка в Медину, после сражений при Бадре и Ухуде и войны у рва.

В конце года Мусаб возвратился в Мекку, чтобы рассказать обо всем пророку. Затем Мухаммед велел всем последователям идти в Медину, по одному и по двое, а сам оставался до начала месяца первого Раби, ожидая знамения от Бога. Только Абу Бакр и Али оставались с ним.

⁷⁰ Сура 94.

Высота

Курейшиты держали совет в Молитвенном доме, говорили.

– Этот человек должен умереть, – сказал Абу Джахль, наконец. – Выберем из каждой семьи курейшитов по одному человеку, и пусть они вместе нападут на него. Тогда Хашимиты не посмеют начать кровную месть против всего рода, они не смогут бороться с нами всеми: они вынуждены будут взять плату за кровь.

И это показалось хорошим решением. Мужчин выбрали. Когда опустилась ночь, они спрятались возле дома пророка в ожидании того, когда Мухаммед выйдет. Той ночью в его доме находился Али.

Мухаммед имел при себе деньги, которые доверили его честности неверующие соплеменники.

– Али, – сказал он, – мне нужно идти, но ты должен остаться. Я отдаю тебе эти деньги, возврати их тем, кто оставил их здесь. А теперь надень мой плащ и ложись на мою кровать. Ничего не бойся, никто не причинит тебе вреда.

Ночь была столь темной, что пророк ушел незамеченным и вскоре оказался у дома Абу Бакра.

– Бог приказывает мне уходить немедленно, – произнес он, как только зашел в дом.

– Могу я пойти с тобой, пророк? – спросил Абу Бакр.

– Да, ты должен быть со мной, – ответил он.

Тогда Абу Бакр взял с собой пять тысяч монет серебром, объяснив сыну Абдаллаху, дочери Асме и своему вольноотпущеннику, что они должны сделать в его отсутствие, и ушел с Мухаммедом. Они отправились пешком, соблюдая все предосторожности.

Убийцы все еще наблюдали за домом пророка, когда какой-то незнакомец подошел к ним.

– Мухаммед далеко! – произнес он и ушел.

Подойдя ближе, они взглянули через трещину в двери. У кровати горела лампа, и они увидели спящего человека в зеленом плаще.

– Нет, Мухаммед там, спит еще, – сказали они. – Мы можем подождать.

День наступил, наконец дверь отворилась, там был один только Али. Они поняли, что их обманули. Вожди курейшитов, узнав об этом, послали шпионов, чтобы выследить пророка, предлагая в награду сто верблюдов любому, кто вернет его в Мекку, мертвого или живого. Но пророк и Абу Бакр скрылись в пещере среди холмов, в трех милях от города, вдали от дороги на Медину. В сумерках дочь Абу Бакра Асма и его вольноотпущенник пришли к пещере, принесли им пропитание и рассказали о событиях, произошедших в городе. Они находились в пещере в течение трех дней, пока их искали. Один раз люди, охотившиеся за ними, оказались рядом со входом в пещеру, но отверстие было узким и затянутым паутиной, а голуби устроили там гнездо и отложили яйца, так что всадники, ничего не подозревая, проехали мимо. Следующей ночью Абу Бакр велел Асме принести больше еды, в то время как своему человеку приказал привести проводника и верховых верблюдов. И на четвертую ночь они вышли из пещеры и, сев на животных, отправились в Медину, держась в стороне от проезжих дорог.

И было Откровение от Бога:

85. Воистину, тот, кто сделал для тебя обязательными [предписания] Корана, непременно возвратит тебя туда, куда все возвращаются⁷¹.

⁷¹ Сура 28.

Битва за жизнь

Не дойдя до Медины, пророк остановился в Кубе, где присел отдохнуть в тени на небольшом холме. Когда слухи о его прибытии распространились по городу, люди стали собираться вокруг него. В пятницу он провел службу (намаз) и произнес проповедь, после чего, сев на верблюда, собрался ехать дальше. Однако каждый в толпе пытался схватить поводья верблюда со словами:

– Почти своим присутствием мой дом, у меня всего в избытке, безопасно и просторно!

– Оставьте верблюда в покое, он сам выберет, куда ему идти, – сказал пророк.

И верблюд, пройдя некоторое расстояние, остановился на участке земли, принадлежавшем двоим сиротам. Животное стало на колени, а Мухаммед, сойдя с него, купил эту землю, велел построить на ней помещение для молитвы. Это была первая мусульманская мечеть, рядом с ней построили и небольшой дом для пророка. На этом историческом месте в наше время также стоит мечеть.

Аиша

К тому времени, когда пророк прибыл в Медину, его жене, дочери Абу Бакра, исполнилось девять лет. Он женился на ней, когда ей было шесть, но они еще не жили вместе. Мухаммед предложил Абу Бакру привести его семью в Медину, что тот и сделал, послав за ними своего сына Абдаллаха. По их прибытии Аишу ввели в дом пророка.

«Когда меня привели к мужу, – рассказывала Аиша, – я еще играла в куклы с другими девочками. Однажды я поставила куклы на подушку и закрыла их занавесом, Мухаммед зашел ко мне в комнату, случайный порыв ветра отбросил занавес прочь, и он, увидев их, спросил:

– Что это?

– Мои куклы.

– А это что за существо такое?

– Конь.

– А что у него на боках?

– Крылья.

– Разве бывают кони с крыльями?

– Разве ты не знаешь, у Соломона были крылатые кони, – ответила я.

Пророк рассмеялся.

Я никогда не чувствовала ревности ни к одной из других его жен, кроме Хадиджи, хотя та умерла еще до моей свадьбы. Однажды я сказала ему:

– Похоже, для тебя не существует на свете ни одной женщины, кроме нее.

Один раз сестра Хадиджи Хала постучала в дверь так, как это делала Хадиджа, и он сказал, что ему показалось, будто его первая жена пришла. Это привело меня в такое бешенство, что я воскликнула:

– Как ты можешь до сих пор помнить эту старуху, эту беззубую курейшитскую ведьму, этот обветшалый бурдюк, когда Бог послал тебе лучшую замену?

Пророк страшно разгневался, так что волосы поднялись дыбом на его голове.

– Клянусь Богом! – прокричал он. – Высочайший никогда не давал мне жены лучшей, чем она: она верила мне, когда никто не верил, она помогала мне, когда все меня бросили, и Бог послал нам с ней много детей.

Никогда больше я не сказала плохого слова о Хадидже.

– Посланник Бога, ты любишь меня? – спросила я его однажды.

– Люблю, как узел на веревке, – ответил Мухаммед.

– Ты все еще считаешь меня узлом на веревке? – спрашивала я его иногда.

– Как всегда, – был неизменный ответ.

«Аиша, – говорил он, – если ты хочешь понять меня и быть со мною навеки, ты должна довольствоваться тем малым, что всадник берет с собой в дорогу, никогда не набирать продуктов более, чем на день насущный, не называть одежду старой, пока она без заплат, и осмелительно обращаться с деньгами. Ибо мир этот проклят и проклято все в нем, за исключением почитания Господа и того, что помогает нам вспомнить об этом».

110. Совершайте салат, раздавайте закят⁷² – и то доброе, что вы совершите заблаговременно, обретайте у Аллаха. Воистину, Аллах видит ваши деяния.

<... >

255. <...> Ему подвластны небеса и земля, Ему не в тягость их охранять. Он – всевышний, великий.

⁷² З а к а т (закят) – в исламе один из пяти столпов религии – милостыня в пользу бедных.

256. Нет принуждения в вере. Уже [давно] истинный путь различили от ложного. Тот, кто не верует в идолов, а верует в Аллаха, уже ухватился за прочную вервь, которая не рвется. Аллах – слышащий и знающий⁷³.

* * *

В год хиджры было Откровение от Бога о том, что теперь должно быть четыре молитвенных поклона в первой, второй и вечерней молитвах и два поклона (как то было раньше) в утренней молитве и молитве путешественного.

Во время ночной молитвы Абу Бакр обычно читал Коран тихо, а Омар, напротив, очень громко.

- Почему ты молишься так тихо? – спросил пророк Абу Бакра.
- Тот, кому я молюсь, услышит меня.
- А ты, Омар, почему кричишь что есть мочи?
- Чтобы пробудить спящего и отогнать дьявола прочь!

* * *

144. Мы видели, как ты [, о Мухаммад,] обращался к небу [в поисках киблы], и Мы обращаем тебя к кибле, которая тебя обрадует. Так поверни же свое лицо к Запретной мечети. И где бы вы ни были, поворачивайтесь лицами к ней⁷⁴.

9. О вы, которые уверовали! Когда вас зовут на соборную молитву в пятницу, проявляйте рвение в поминании Аллаха, оставив торговые дела. Это лучше для вас, если только вы разумеете.

10. Когда обрядовая молитва будет завершена, то разойдитесь по земле, взыщите милости Аллаха и поминайте Его многократно, – быть может, вы преуспеете.

11. Но они, едва представится им [случай] заняться торговлей или предаться развлечениям, поспешно устремляются к этим занятиям, оставляя тебя стоять [на возвышении для чтения проповедей]. Скажи [, Мухаммад]: «То, что у Аллаха, лучше забав и торговли, и Аллах – наилучший из тех, кто дает удел»⁷⁵.

Однажды люди, собравшиеся вокруг Мухаммеда, попросили его рассказать какую-нибудь притчу.

«Жили-были на свете три человека, – начал пророк, – и как-то раз они отправились в длинный путь. Ночь застала их в дороге, и они укрылись в ближайшей пещере. Когда они уснули, огромный камень сорвался с горы и закрыл собой выход.

– Нам никогда не выбраться отсюда без Божьей помощи, – сказал один из них.

– Так давайте попросим Господа спасти нас во имя тех добрых дел, которые мы совершили в своей жизни, – предложил другой.

Тогда первый человек начал свою молитву:

– В то время, когда были живы мои отец и мать, всего имущества у нас была лишь одна коза. Я собирал хворост, продавал его и на вырученные деньги покупал еду для моих родителей и для себя. Один раз я пришел домой очень поздно, и, пока я доил козу и готовил ужин на ее молоке, отец и мать мои заснули. Я простоял рядом с ними с миской в руках всю ночь, хотя у

⁷³ Сура 2.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Сура 62.

меня самого крошки не было во рту весь день. И только утром, когда они проснулись и поели, я смог присесть. О Господь, если я говорю правду, пошли нам спасение, приди к нам на помощь!

После этих слов камень чуть шевельнулся и появился небольшой просвет. Второй человек начал свой рассказ:

– Однажды я увидел прекрасную слепую девушку и влюбился в нее. Но она не пожелала слушать меня. Тогда я собрал сто двадцать золотых монет и послал ей с предложением, что она может взять их, если согласится провести со мной одну ночь. Она пришла ко мне, но страх перед Богом удержал меня, и я, отвернувшись в сторону, сказал ей, что она может оставить деньги себе и уйти. О Господь, если я говорю правду, пошли нам спасение, приди к нам на помощь!

Камень дрогнул опять, и щель стала шире, но не настолько, чтобы пленники могли выйти. Тогда заговорил третий человек:

– Как-то раз нанял я работников. Когда работа была сделана, я заплатил всем, кроме одного человека, который уже ушел. На те деньги, что я был ему должен, я купил одну овцу. Через год она принесла приплод, и их стало две, еще через год – четыре... Когда прошло несколько лет, тот работник вернулся и потребовал свои деньги. Я отвел его в загон, показал стадо овец и сказал: «Это твоя плата». Он подумал, что я смеюсь над ним, но я объяснил ему все как было и поклялся, что это правда; тогда он увел стадо с собой. О Господь, если я говорю правду, пошли нам спасение, приди к нам на помощь!

Как только были произнесены эти слова, камень откатился в сторону и путешественники смогли выйти из пещеры».

Изучение Корана

В Медине по вечерам люди обычно собирались в доме одного из учителей и всю ночь учили главы из Корана наизусть. Утром те, кто был покрепче, шли за дровами и водой; те, кто побогаче, иногда покупали барана и готовили еду во дворе у пророка.

Нужда

Но иногда Мухаммед приходил в дом одной из своих жен (тогда их было две: Сауда, вдова бедного правоверного Сакрана, на которой он женился после смерти Хадиджи; и Аиша) и спрашивал:

– Есть что-нибудь поесть?

– Нет, – часто слышал он в ответ.

– Тогда сегодня я буду поститься, – отвечал он.

– Я не такой, как вы, – говорил Мухаммед своим друзьям, – я провожу ночь с Богом, и Он дает мне еду и питье.

– Бывало так, что сорок дней кряду в нашем доме не разжигали очаг, – рассказывала Аиша.

– Чем же вы питались? – спрашивали люди.

– Водой и финиками.

Чтобы бороться с голодом, пророк туго привязывал к животу камень.

– Один раз случилось, что я потерял сознание от голода, – рассказывал впоследствии сподвижник Мухаммеда Абу Хурейра, – и упал на улице между мечетью и домом Аиши. Прохожие наступали мне на горло, потому что думали, что я одержим бесами.

В 1 году хиджры пророк выдал свою дочь Фатиму замуж за своего двоюродного брата Али, сына Абу Талиба. Все приданое состояло из кровати, сплетенной из пальмовых листьев, кожаной подушки, набитой пальмовым волокном, глиняного кувшина, бурдюка для воды и корзины изюма и фиников.

Однажды, придя в дом дочери и увидев ее в подавленном состоянии, Мухаммед спросил:

– Что с тобой?

– Уже три дня в нашем доме нет ни крошки хлеба, – ответила она и потеряла сознание.

– Господи, упаси нас от голодной смерти! – воскликнул Мухаммед.

Вскоре пророк стал посылать вооруженные отряды.

Как рассказывал сподвижник пророка Саад, сын Абу Ваккаса, когда пророк поселился в Медине, к нему пришел некий человек из племени джухейна, через земли которого проходит торговый путь к Мекке, и сказал:

– Ты живешь в нашей стране, давай заключим договор, и ты сможешь стать нашим вождем.

Договор был заключен, и джухейний стал мусульманином.

После этого в месяце Раджабе Мухаммед послал нас с приказом напасть на род Кинана, обитавший по соседству с племенем джухейна. Нас было чуть меньше сотни, врагов оказалось намного больше, и мы вынуждены были искать убежища у джухейнитов. Те приняли нас, но спросили, как мы могли начать вражду в священный месяц перемирия.

– Мы воюем в священный месяц только с теми, кто лишил нас того, что принадлежит нам по праву.

Затем мы собрали совет. Некоторые предлагали вернуться к пророку и доложить, как все обернулось, другие предпочитали оставаться на месте. Я же предложил устроить засаду и захватить караван из Мекки. Но часть людей вернулась к Мухаммеду. Когда он услышал, что произошло, он встал с лицом красным от гнева и воскликнул:

– Что! Вы ушли вместе, а возвращаетесь по частям? Раскол – это то, что погубило многих до вас. Я поставлю над вами всеми одного человека, может и не лучшего среди вас, но того, кто лучше переносит голод и жажду. – И он назначил Абдаллаха, сына Джаша, первым военачальником ислама.

Это было в священный месяц перемирия, во 2 году хиджры, когда пророк вызвал Абдаллаха, вручил ему запечатанный пакет и приказал:

– Отправляйся по дороге в Мекку, через три дня пути вскрой пакет и исполни то, что там написано. Если кто-либо из твоих людей откажется идти с тобой, не принуждай их.

Через три дня Абдаллах прочел письмо – там говорилось о караване, с грузом фруктов, винограда и других товаров идущем из Таифа в Мекку. Абдаллах и его люди решили захватить караван. «Они – неверные, и мы не обязаны соблюдать перемирие по отношению к ним» – так было решено.

Когда появился караван, Абдаллах и Вакид, оба искусные лучники, пустили стрелы и убили Амра, начальника каравана. Что касается остальных, то некоторые бежали и благополучно добрались до Мекки; другие сдались в плен. Абдаллах связал пленников и отвел караван сначала в пустыню, после чего повернул к Медине.

Мухаммед оставил пленных дожидаться выкупа, а всю добычу велел не трогать, пока Бог не откроет, как поступить с ней.

И снизошло на него Откровение Господне:

216. Вам предписано сражаться с врагами ислама, а это вам ненавистно. Но возможно и такое, что вам ненавистно то, что для вас благо; что вам желанно то, что для вас – зло. Аллах ведает [об этом], а вы не ведаете.

217. Они спрашивают тебя [, дозволено ли] сражаться [с мекканскими многобожниками] в запретный месяц. Отвечай: «Сражаться в запретный месяц – великий грех. Однако совращать с пути Аллаха, не пускать в Запретную мечеть, неверие в Него и изгнание молящихся из нее (т. е. из Запретной мечети) – еще больший грех перед Аллахом, ибо многобожие – грех больший, чем убийство. Они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если только смогут. А если кто из вас отвратится от своей веры и умрет неверным, то тщетны деяния таких людей в этой жизни и в будущей. Они – обитатели ада и пребудут в нем навеки».

218. Воистину, те, которые уверовали, переселились [в Медину из Мекки] и явили рвение на пути Аллаха, уповают на милость Аллаха. А ведь Аллах – прощающий и милосердный⁷⁶.

Бог дал пророку право воевать, и снизошло Откровение:

39. Тем, которые подвергаются нападению, дозволено [сражаться], защищая себя от насилия. Воистину, во власти Аллаха помочь тем,

40. которые незаконно были изгнаны из своих жилищ только за то, что говорили: «Наш Господь – Аллах». Если бы Аллах не даровал одним людям возможность защищаться от других, то непременно были бы разрушены кельи, церкви, синагоги и мечети, в которых премного славят имя Аллаха. Нет сомнения, Аллах помогает тому, кто Ему помогает. Воистину, Аллах – сильный, великий⁷⁷.

Один человек спросил пророка:

– Что означает «битва за Бога»? Мы дрались всегда, как обычно люди дерутся: в гневе, злобе или чтобы защитить свое добро, близких...

Пророк посмотрел на него пристально и ответил:

– Тот сражается за Бога, кто сражается за то, чтобы Слово Божие было превыше всего.

⁷⁶ Сура 2.

⁷⁷ Сура 22.

1. Они станут спрашивать тебя относительно [раздела] добычи. Отвечай: Добыча предназначена Аллаху и посланнику. Так страшитесь же Аллаха, будьте в ладу между собой, повинуйтесь Аллаху и Его посланнику, если вы – верующие.

<...>

15. О вы, которые уверовали! Когда вы [в сражении] окажетесь лицом к лицу с [надвигающимся] скопищем неверных, то не обращайтесь в бегство.

16. А [воины], которые в тот день обратятся спиной к неверным, кроме тех, кто разворачивается для боя или для воссоединения с [другим] отрядом, навлекут на себя гнев Аллаха, и пристанищем им будет геенна [огненная]. Скверен такой удел!

17. – Не вы [, о верующие], убили неверных, а Аллах сразил их. Не ты [, о Мухаммад!] бросил [горсть песка], когда бросал, это Аллах бросил, дабы подвергнуть верующих доброму испытанию от Себя. Воистину, Аллах – слышащий, знающий⁷⁸.

⁷⁸ Сура 8.

Битва при Бадре

Во 2 году хиджры в месяце Рамадане пророк получил известие, что в Мекку возвращается караван из Сирии, во главе со знатным курейшитом Абу Суфьяном.

Мухаммед собрал своих соратников и дал приказ выступить. Отряд правоверных численностью чуть более трехсот человек занял позицию в месте, расположенном на расстоянии одного дня пути от колодцев Бадра.

Абу Суфьян послал вперед гонца с известиями в Мекку. Абу Джахль, дядя Мухаммеда, получив известия из каравана, собрал отряд из горожан численностью в тысячу человек. Они выступили из Мекки навстречу каравану, среди прочих в котором был и Амир, брата которого, Амра, убил Абдаллах, сын Джахша. Тем временем Абу Суфьян, не дождавшись ответа, свернул с прямого пути на Мекку и, оставив колодцы Бадра слева, повел караван по длинной окружной дороге вдоль берега моря. Только когда караван добрался до болот Мекки, Абу Суфьян получил известие о том, что войско курейшитов, в среде которого находятся его собственные сыновья, движется по дороге на Медину. Он послал гонца с ответом:

– Если вы отправились защищать свои товары, то знайте, что они уже в безопасности.

Когда это сообщение было доставлено, один из ополченцев вышел вперед и сказал:

– Курейшиты! Нам нет теперь смысла биться с Мухаммедом и его людьми, кроме того, среди них много наших родственников. Мы до конца жизни не сможем смотреть друг другу в глаза, если запятнаем себя братоубийством.

Но тут выступил Амир, брат убитого Амра, и, разорвав на себе одежду, закричал:

– Мой брат мертв! Они убили его! Кто отомстит за него?! О горе! О позор!

После этих слов раздор разгорелся с новой силой, надежда на примирение исчезла, и поход был продолжен.

Когда пророк издалека увидел, как они спускаются с перевала в долину Бадр, то воскликнул:

– О Господь! Вот идут доблестные курейшиты во всем своем блеске, чтобы биться с Тобой и объявить лжецом Твоего Посланника. О Господи! Окажи нам помощь, как Ты обещал. Порази своих врагов. О Господь, лучезарный рассвет этого дня!

Он обошел свое войско и выровнял ряды стрелой, которая была у него в руке.

Когда он проходил мимо Савада, сына Газии, стоявшего впереди всех, он слегка кольнул его стрелой в живот и сказал:

– Стань в строй, Савад.

– Ты причинил мне боль, Посланник Бога, – сказал Савад, – а ведь Бог послал тебя блюсти закон и справедливость; я должен быть отомщен.

– Что ж, отомсти за себя, – сказал пророк и, обнажив свое собственное тело, дал ему стрелу.

Тогда Савад обнял его и поцеловал в живот.

– Зачем ты сделал это, Савад? – спросил Мухаммед.

– Посланник Бога, ты видишь, что ожидает нас. Сегодня, может быть, последний день, когда я могу быть с тобой, и я хочу, чтобы моя кожа узнала радость прикосновения к твоей.

Пророк помолился за него. Закончив осмотр войска, он пошел в шалаш, наскоро построенный из ветвей его сподвижниками. С ним был только Абу Бакр. Мухаммед вновь стал молиться и просить Бога о помощи, потом забылся сном. Проснувшись, он воскликнул:

– Возрадуйся, Абу Бакр, помощь Господня пришла. Я вижу Джабраила, держащего коня за узду. Я вижу даже песок на зубах коня.

Он вышел, чтобы приободрить своих воинов, и сказал:

– Клянусь Тем, Кто держит душу Мухаммеда в Своих руках, что каждого, кто погибнет сегодня в бою как герой, Господь приведет в Сад Наслаждений! Но никто из тех, кто покажет врагу свою спину, не попадет туда!

Это услышал некий Омар, он ел финики. «Вот как! Чтобы попасть в рай, мне нужно всего лишь погибнуть от рук этих людей!» Он отшвырнул финики в сторону, выхватил меч и сражался, пока не был убит.

На стороне курейшитов перед войском выступил Абу Джахль и сказал:

– О Господь! Да будет несчастным это утро для человека, больше всех нас сеющего вражду между родственниками и делающего то, что делать не должно. Он начал все это.

Пророк взял горсть мелких камней и, швырнув их в сторону курейшитов, со словами «Да исчезнет этот род» приказал наступать.

Враг был рассеян. С Божьей помощью многие шейхи были убиты и многие взяты в плен. Когда правоверные вязали своих пленников, Посланник прочел неодобрение на лице одного из стоявших рядом с шалашом и спросил его:

– Клянусь Богом, мне кажется, что тебе не нравится то, что делают эти люди?

– Именно так. Это первая победа, которую Господь даровал нам над неверными, и я предпочел бы видеть их всех мертвыми, чем живыми.

Когда пленных привели к пророку, один из них, Укба из рода Омейя, с веревкой на шее спросил:

– Мухаммед, если ты убьешь меня, кто позаботится о моих детях?

– Огонь ада и геенна огненная позаботятся о них!

Вернувшись в Медину, Мухаммед вошел в дом своей старшей жены Сауды; та уже знала, что ее отец и другие родственники, знатные курейшиты, убиты в бою. Когда пророк вошел в ее комнату, она начала плакать и причитать. Когда наступила ночь, Мухаммед в раздражении ушел спать в комнату Аиши.

Утром пленных привели к дверям Сауды, не зная, что пророк находится у Аиши.

– Труссы, вы протянули свои руки и позволили связать себя! – кричала Сауда. – Почему вы не сражались и не погибли с честью, как мой отец и его братья?

Пророк был рядом и слышал ее слова. Тогда он в гневе вернулся опять к Аише, и пленных привели к ее дверям. Каждого пленника он отдал тому, кто захватил его, – содержать до тех пор, пока за него не придет выкуп из Мекки. Среди пленных оказался и Аббас, дядя пророка.

– Ты должен заплатить за себя, за своих племянников и своих друзей, – сказал Мухаммед ему.

Но Аббас отказался, сказав, что в душе он правоверный и в битве участвовал против своей воли.

– Один Бог знает, правду ты говоришь или нет, – сказал пророк, – твои дела свидетельствуют против тебя.

– Твои люди уже забрали у меня двадцать унций серебра, – ответил Аббас, – возьми их в качестве выкупа.

– Это лишь небольшое вознаграждение, которое Господь послал тем, кто верит в Него, – сказал Мухаммед.

– Но у меня нет больше денег.

– Что же стало тогда с теми деньгами, которые ты оставил своей жене, Уме Фадл, и сказал ей, как разделить их между твоими сыновьями, если ты не вернешься?

– Кто мог сказать тебе об этом?

– Бог сказал мне.

– Поистине твой Бог – Повелитель Сокрытого! Дай мне твою руку, Мухаммед. Я хочу сказать: «Нет Бога, кроме Него, и ты пророк Его».

Таким образом Аббас произнес Символ веры и обязался выплатить выкуп за себя и своих людей.

Весь тот день Сауда проплакала: она опасалась развода. Свежесть ее юности осталась в прошлом, и она знала, что пророк любит Аишу больше. Когда Мухаммед пришел к Аише в тот вечер, она пришла тоже и попросила прощения за свои неосторожные слова.

– Я прощаю тебя, – сказал он.

– Пророк, я уже не молода, и я не прошу тебя не бросать меня, потому что мне надо от тебя то, что обычно нужно жене от мужа. Я хочу быть одной из твоих жен в тот день, когда мертвые воскреснут и Господь призовет нас всех в Сад Вечного Наслаждения. Не оставляй меня, пусть все ночи любви, положенные мне, достанутся Аише.

Аиша присоединила свои просьбы к мольбам Сауды, и Мухаммед оставил Сауду своей женой.

* * *

И было Откровение:

62. Воистину, уверовавшим, а также иудеям, христианам и сабеям – всем тем, кто уверовал в Аллаха и в Судный день, кто творил добро, – уготовано воздаяние от Аллаха, им нечего страшиться, и не изведает они горя⁷⁹

⁷⁹ Сура 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.